

ДМИТРИЙ
ЯНКОВСКИЙ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРАВИЛА ПОДВОДНОЙ ОХОТЫ

Правила подводной охоты

Дмитрий Янковский

Правила подводной охоты

«ЭКСМО»

2003

Янковский Д. В.

Правила подводной охоты / Д. В. Янковский — «Эксмо»,
2003 — (Правила подводной охоты)

Завершившаяся Третья мировая война оставила человечеству массу неприятных сюрпризов. Большая часть неиспользованного во время войны интеллектуального оружия прячется в глубинах Мирового океана, время от времени атакуя мирные города и корабли. Для борьбы со смертоносными биомашинами используют специально обученные и экипированные подразделения охотников. Охотнику Роману Савельеву и его подразделению предстоят тяжелые испытания на одной из заброшенных глубоководных баз...

© Янковский Д. В., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
Lesya in the Sky with Diamonds	11
Недоброе утро	16
За черту горизонта	24
Рипли	31
Игра в ящики	41
Первое правило подводной охоты	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Янковский

Правила подводной охоты

На них было время опасности, как и сейчас.

Это цена, которую мужчины платят за почести.

Мэри Рено

Пролог

Теплый ветер шумел над головой, не давая по звуку определить путь отхода противника. Я раздвинул траву и, подтягивая карабин за гарпун, прополз чуть вперед.

– Стой! – Вовка Лукич ухватил меня за штангу боевого каркаса. – Заметят!

– Не учи ученого! – фыркнул я.

Новая позиция позволяла целиком разглядеть поляну, где по траве катились волны, как в океане. Таких ровных проплешин между деревьями было множество. Леся говорила, что они возникли от воздушных взрывов последней войны. Я ей верил хотя бы потому, что земля в подобных местах была утрамбована, а за пределами круга – рыхлая, часто изрезанная оврагами и промоинами.

Из-за облака выглянуло солнце и блекло отразилось в центре поляны.

– Кажется, мину оставили, гады, – повернулся я к Вовке.

– Идиот, – буркнул Лукич и подполз ко мне ближе, отцепляя от каркаса бинокль. – Может, это оплавленный камень блеснул.

– Это у тебя вместо головы камень! – недовольно ответил я, выхватывая бинокль у него из руки.

Мина была самодельной, это понятно, но каждый охотник знает, что от такой штуки можно ждать любых гадостей, тогда как вылупившегося зверя можно обезвредить по каталогу Вершинского.

– Ну, что там? – нетерпеливо заерзал Вовка.

– Вертится на месте. Железная.

– Понятно, – нахмурил брови напарник, принимая у меня бинокль и придвигая окуляры к глазам. – Лазером шупает. Как только чиркнет по одежде, датчик отреагирует на пятнышко и активизирует детонатор.

Он был лучшим сапером в нашей команде, поэтому мне и в голову не пришло сомневаться в его теории.

– И что делать? – глянул я на него.

– Весла сушить. Это хорошая мина, и лучше ее обойти. – Он вновь приложил бинокль к глазам. – На краю поляны есть небольшой овраг. Можно пролезть по нему.

Идея с разминированием меня привлекала больше, но я не хотел перечить здравому смыслу. Мы тихонько перебежали к оврагу и поползли, вминая локтями влажную глину. Посредине овраг перегородила большая мутная лужа, и, переползая через нее, мы извозились, как черти. Лукич тихо бурчал, я двигался молча, цепляя гарпуном редкие стебли травы.

Вдруг я различил впереди тихий шлепок. Что-то упало в грязь.

– Засада? – вздрогнул я, готовый к обороне.

– Лежи! – Вовка вжал меня в глину. – Не вздумай поднять голову из оврага! Там мина!

Сердце у меня вздрогнуло, как перепуганный зверек в клетке.

– Они знали, что мы полезем через овраг, – сквозь зубы прошипел я. – Надо было обезвреживать мину!

– Отходим, – шепнул напарник, пятясь мимо меня. – Еще поглядим, кто кого сделает!

Получилось, что я прикрываю отход. Ползать задом у меня выходило плохо, а на корточках ничего, но это отнимало огромное количество сил, ноги моментально затекли и двигались заторможенно. Зато я вовремя заметил противника.

– Лукич, они сверху! – крикнул я, разглядев на краю оврага тень человеческой фигуры. – Мина была обманкой!

– Вот гады! – с досадой выдохнул напарник.

Я взвел карабин. Наша позиция оказалась не из лучших, но погоня была завершена, и теперь многое будет зависеть от нашей сноровки. Взяв на прицел тень на краю оврага, я был готов выстрелить, как только фигура появится на фоне неба.

Но их было двое – я услышал короткий хлопок, и мне в лицо полетели алые брызги с Вовкиного плеча. Вторая пуля попала напарнику в грудь и сразила его наповал. Леденящий испуг овладел мной. Мне бы развернуться и всадить гарпун в неприятеля, а я рванул вперед, петляя по оврагу, словно заяц. Две пули мелькнули мимо меня, влажно вонзившись в глину.

Было понятно, что я обречен, что поверху бежать значительно легче, чем путаться в траве и вязнуть в грязи оврага. Но адреналин не позволял мне думать об этом, и я выжимал из своего организма все, на что был способен. Вновь за спиной хлопнуло, но и в этот раз пуля скользнула стороной.

Мои нервы не выдержали. Не видя цели, я развернулся и дернул спусковой крючок карабина. Гарпун со звоном покинул ствол и ударил в грудь одного из противников.

– А-а-а! – протяжно выкрикнул он, соскальзывая на дно оврага.

Дрожащими руками я рванул с боевого каркаса второй гарпун и запихнул его в ствол. В общем-то, мне не оставили выбора – только драться. Грязный, перепуганный, я вылез из оврага, опасаясь в любой момент получить пулю из-за ближайшего дерева. Ветер кидал мне пыль в глаза, но, к моему облегчению, поляна была пуста.

Дрожа от возбуждения, я шагнул к лесу, и тут же из ближайших кустов раздался характерный хлопок. Пуля чиркнула по листве и ударила меня в грудь, забрызгав красным вымазанную в грязи рубашку.

– Черт! – выкрикнул я, но решил не падать. Ни к чему театральные эффекты, когда ясно, что битва проиграна. – Это не честно!

– Что именно? – выглянула из-за кустов Леська, поигрывая ружьем.

– На самом деле должны побеждать охотники, а не пираты!

– Кто же виноват, что вы оба такие копухи? – пожала плечами Леська. – Меня раньше возьмут в охотники, чем кого-то из вас.

– Девочек в охотники не берут, – буркнул я.

– Тебе-то почем знать?

– Не должны брать.

– Должны, не должны. Гадалка. Эй, Вадик! – она присела над краем обрыва, подавая руку напарнику. – Ты тоже хорош! От такого копухи гарпун получить!

– Да он драпал, как заяц! – Вадик был из нас самым старшим и проигрывал неохотно. – Кто мог подумать, что он пальнет с разворота?

– В бою некогда думать, – наставительным тоном заметила Леська. – Высовываться надо меньше, тогда не придется изображать дохлятину.

– Помогите кто-нибудь вылезти! – долетел снизу призыв Лукича.

Я подал ему руку, и он вскарабкался к нам, похожий на вылезшего из болота утопленника.

– Идемте на речку! – предложила Леська. – Все равно вам надо отмыться. И еще я знаю одну важную тайну.

– Как подманить охотников? – язвительно спросил Вадик.

– А если так, то что? – С хитрым прищуром она сунула руку в карман штанов.

– Попытка двадцать четвертая, – отмахнулся Вадик.

Две недели назад мы уже пытались подманить охотников, выйдя в море на надувном плотике. Леськина идея состояла в том, что, кроме охотников, вызволять нас будет некому, но вышло не так, как она задумала. Нашли нас муниципалы из Светлогорска, а мама взгрела меня так, что надолго отбила желание даже играть в охотников, не то что приманивать их.

– Никакая не двадцать четвертая, – надула губы Леська. – Вы даже не представляете, что я на этот раз выменяла у Молчуны!

– Новый надувной плотик? – поддел ее Лукич.

– Вы оба дураки! Молчуныя живет на острове!

– И что? – Вадик повесил ружье на шею и направился к речке.

– А то, что я выменяла у нее икринку!

Вадик замер. Лукич тоже остановился как вкопанный, а у меня ледяная волна пробежала по коже.

– Врешь! – Вадик неуверенно обернулся.

– А вот это ты видел? – Леська выхватила кулак из кармана и разжала ладонь.

Колышущийся зеленоватый шарик в ее руке наполнился солнечным светом, и мы рты раскрыли от неожиданности и удивления.

– Ни фиги себе, – первым пришел в себя Вадик. – Откуда она у Молчуны?

– Прибой вынес.

– Значит, дохлая, – облегченно выдохнул Вовка Лукич.

Меня тоже немного отпустило.

– Почему? – нахмурилась Леська.

– Сколько она в море пролежала и не вылупилась?

– А может, не пролежала? – Леська взяла икринку пальцами и поднесла к лицу. – На прошлой неделе во время шторма что взорвалось?

Той ночью я проснулся и закричал, не помня себя от страха. И мама тоже кричала, а занавески метались от ветра, врывавшегося через разбитые стекла. На следующее утро мы увидели в небе тяжелый гравилет охотников. Он направлялся на север, за горизонт.

– Мина взорвалась, – предположил я.

– Ромка хоть и копуха, но умный, – Леська одарила меня многообещающей улыбкой. – Что, кроме мины, могло взорваться?

– Ну, допустим, мина, – нахмурился Вадик. – Что с того? Думаешь, она при взрыве мечет икру?

Кажется, его задела Леськина похвала в мой адрес.

– Вот именно! – Она вновь зажала шарик в руке. – Иначе зачем им взрываться? Скорее всего это у них такой акт размножения. Бац! И тонна шариков в море. Так что эта икринка не дохлая, а наоборот, очень свежая. Мы можем положить ее в воду и посмотреть, что будет.

– Хочешь вырастить настоящую мину? – напряженно спросил Вовка Лукич.

– А что? – задумчиво сказал Вадик. – Мы ничего не теряем. Если икринка дохлая, то попохочем над Леськой. Кстати, на что ты ее выменяла?

Вместо ответа Леська показала ему язык. Вадик проигнорировал это и продолжил:

– А если икринка живая, то вырастет мина. И за ней обязательно прилетят охотники. Мы их сами и вызовем, тогда они наверняка дадут нам направление в свое училище.

– А может, и медаль, – вставил я.

– Из репейника, – фыркнул Лукич. – А вдруг мина вырастет и жажнет? Вы об этом подумали?

– Раньше времени не взорвется, – успокоила его Леська. – Мы же расскажем взрослым, как только она вылупится.

– Тогда никаких охотников мы не увидим, – заметил я. – Пока мина маленькая, взрослые могут убить ее баграми. Без всяких охотников. Или вмешаются муниципалы, как в прошлый раз. Приедут и расстреляют ее из ружей.

Леська не нашла, что на это ответить. Зато Вадик легко разрешил наш спор.

– Охотники все равно прилетят, – уверенно заявил он. – Даже если мину убьют без них. Они должны будут узнать, откуда она взялась и нет ли в речке других икринок.

– Не нравится мне эта затея, – признался Вовка.

– Никто тебе ее не навязывает. – Вадик, как всегда, перевернул все так, будто идея с икринкой принадлежала ему, да и сама икринка тоже. – Можешь катиться.

– И покачусь. – Лукич закинул карабин на плечо и двинулся через поляну.

Я представил, как ему влетит за вымазанную одежду.

– Зря ты его прогнал, – сказал я.

– Тебя тоже никто не держит, – фыркнул Вадик.

– Перестань! – вспыхнула Леська. – Икринка, между прочим, моя. Хватит уже корчить из себя командира! Надоел.

– Может, мне тоже уйти? – он прищурился и оглядел Леську с головы до ног.

– Ну и вали!

– А ты не боишься, что я заранее расскажу про мину?

– Валий. – Леська по-мальчишески сунула руки в карманы и направилась в сторону речки.

– Нашла нового жениха? – кинул ей вслед Вадик.

– Не твоего ума дело, – не оборачиваясь, сказала она. – Пойдем, Ром, пусть этот предатель что хочет, то и делает. Подманим охотников, он будет первым локти кусать.

Вадик что-то невнятно буркнул и поплелся за Вовкой. Мы же пошли к реке. Ветер тянул запах тины, а за деревьями виднелась прозрачная зелень воды.

– Мы не там вышли, – вздохнула Леська. – Коряга, с которой можно прыгать, вон там.

Я нарочно шел позади, чтобы глядеть на нее. Впервые судьба подарила мне возможность остаться с ней наедине, без Вовки, а главное – без Вадика. Мне от нее ничего не было нужно, просто хотелось любоваться каждым ее движением.

«До чего же девчонки отличаются от пацанов!» – подумал я, ощущая, как разгоняется сердце.

Она была крупнее меня, но это не мешало мне в мечтах обращаться с ней нежно. Возникло желание порадовать ее хоть чем-то.

– Можешь попрыгать у меня с коленок, – предложил я.

– Ты меня не удержишь, – беззаботно отмахнулась она и стянула лохматую военную куртку.

Навязываться было неловко. Прежде чем освободиться от рубашки, я ослабил ремни и уложил в траву боевой каркас, сделанный из негодного дедушкиного рюкзака. На него полетели рубашка и футболка, а Леська, как обычно, майку снимать не стала. Я знал почему. За прошедший год у нее здорово изменилась фигура, и Леська стеснялась этого.

– Может, тогда пойдем на станцию? – предложил я. – Икринку выпускать лучше там.

– Наверное, – закинув ружейный ремень на плечо, она закатала брюки выше колен и вошла в воду. – Речка сегодня теплая.

Поначалу я хотел избавиться и от брюк, но незапланированное уединение с Леськой зло надо мной подшутило – останься я в плавках, она бы сразу поняла, какие мысли бродят у меня в голове. Я покраснел и принялся закатывать штанины. Управившись с этим, закинул на плечо карабин, шагнул с берега и побрел вниз по течению, догоняя подругу.

За поворотом реки показалась станция. Ее ржавый остов торчал вперед, напоминая раненое стальное чудовище, издохшее на переправе. Хребет моста топорщился шипами кронштей-

нов, на которых кое-где еще сохранились древние газосветные фонари. Решетчатый блок шлюзовых держателей напоминал ребра, а опорные сваи лапами упирались в дно и берега реки. Давным-давно, в самом начале Десятилетней эпидемии, станция работала, давая тепло и свет множеству прибрежных городков. Но сократившееся население Земли уже не требовало прежнего количества энергии, и многие станции позакрывали. Теперь стальные опоры, мосты и сваи выполняли только одну функцию – декораций для наших игр.

Возбужденные ветром волны нагнетали воздух в порожние баки, заставляя их хрипеть и охоть подобно живым существам. Пахло тиной, мокрой ржавчиной и застарелым безлюдьем. Я вздрогнул от близкого всплеска и чуть не пальнул из карабина на звук, но это прыгнула в воду одна из жирных лягушек, во множестве обитавших на станции.

– Давай взглянем на Светлогорск, – предложила Леська, ухватившись за поручень вросшего в дно трапа.

Мы давно придумали такой ритуал. Когда с крыши станции видны небоскребы, любое начинание этого дня ждет удача. Если Светлогорска не видно, то лучше задуманное не начинать. Мне идея не очень понравилась, поскольку при таком ветре воздух должен быть замутнен пылью и водяным паром. А мне хотелось подманить охотников. Почему-то я был уверен, что в другой раз такого шанса уже не будет.

– Может, не надо? – предложил я, карабкаясь по ступеням вслед за Леськой.

– Хочешь обмануть судьбу?

Грохот наших шагов по железному трапу смешивался с завыванием ветра и хрипом воздуха в баках. Мы вылезли через люк на крышу, и я сразу разглядел вдали пять тонких ярких белых нитей, поднимающихся на трехкилометровую высоту. У них на верхушках виднелись более темные кубышки антигравитационных приводов, из-за чего небоскребы напоминали гигантские облетевшие одуванчики. А на севере штормило море, в которое метров на триста вдавалась желтая от взбаламученной глины река.

– Зря ты боялся, – улыбнулась Леська, усаживаясь на ржавый железный лист. – Город виден, значит, будет так, как мы захотим.

На самом деле видимость была не очень хорошей. Приземный слой воздуха замутил ветер, поэтому небоскребы различались только в верхней трети. Но я решил об этом не говорить. Все равно решение принимать Леське, ведь икринка ее.

– Я вас обманула, – она достала из кармана драгоценный шарик и положила у ног. – Это не икринка, а биоклапан от лодочного мотора.

– Зачем? – Меня расстроил не столько обман, сколько невозможность нашей затеи.

– Хотела узнать, кто не побоится со мной пойти. Это была проверка, понятно?

– И что? – Я не мог понять, к чему она клонит.

– А то, что я действительно кое-что выменяла у Молчуны. Ее отец не всегда ловил рыбу с катера. Знаешь, кем он был после войны?

– Охотником?! – осенило меня.

– Вот именно. Молчуны научила меня, как наверняка попасть в их училище. Она знает.

– И на что ты выменяла такую тайну?

– Пообещала ей стянуть этот клапан из отцовского эллинга. Она пытается смастерить мотор.

– Влетит же тебе!

– Влетит. Зато я знаю, почему у охотников темно-синяя форма. Она символизирует океан перед штормом.

– А пиратов они ловят или нет?

– Этого я не узнала. Садись, – Леська положила ладонь на теплое железо возле себя. – У охотников есть определенные правила. Зная их, легче поступить в учебку.

– Куда?

– Так называется их училище.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Lesya in the Sky with Diamonds

Я свернул с бетонки и остановил джип у самого края обрыва, поскольку в тесных туфлях мне меньше всего хотелось идти пешком. Позади, размазанная маревом расстояния, возвышалась ажурная громада Симферополя, а впереди сверкало море – оттуда дул бриз, наполняя воздух запахом соли и пересохших водорослей. Над короткой травой висел звон цикад.

– Неужели тут можно спуститься? – спросила сидящая на правом сиденье Леся.

На ней были шорты и короткая маечка, а ветер мягко трепал короткие каштановые волосы.

– Наверняка, – я заглушил двигатель и выбрался из машины. – Следы машин редко ведут в никуда, значит, здесь должна быть тропинка.

Над капотом трепетало марево раскаленного воздуха, за которым солнце вычерчивало по воде сверкающую дорожку. Море неодолимо манило в прохладную глубину... казалось, оно пахло именно глубиной, полутьмой и прохладой, оно рождало воспоминания о глубине и вынуждало мечтать только о ней. Но тут Леся соскочила в траву рядом со мной, и волшебство моря отступило на второй план.

– Идем? – посмотрела она на меня.

– Идем.

Я скинул кремовую рубашку с нашивками курсанта и забросил ее на заднее сиденье, как дети забрасывают ранец в первый же день каникул.

– Здорово вас тут гоняют, – усмехнулась Леся, оглядев мое окрепшее тело.

Хорошо, что она не приехала на полгода раньше, когда нас заставляли стричься наголо. Но теперь моя прическа ничем не напоминала бритые головы салаг, так что за внешний вид можно было не беспокоиться. Мне захотелось поиграть мышцами, и я принялся рыться в багажном отсеке, медленно доставая рюкзак и проверяя, все ли я в него уложил.

– Ну что ты опять копаешься? – поторопила Леся.

Я закинул лямки рюкзака на голые плечи, подал Леське руку, и мы начали спускаться с обрыва. Узкая тропинка пологим зигзагом сбегала по отвесному склону. На середине пути послышался голос прибоя – мерный, словно дыхание, шелест волн.

– Наверняка и миллион лет назад здесь все было так же, – негромко сказала Леся, балансируя руками для равновесия. – Я чувствую себя Евой, честное слово. Словно до нас с тобой не было никаких людей.

Я не ответил. Подошвы курсантских туфель скользили в пыли, поэтому иногда приходилось садиться на корточки и хвататься за торчащие по краю тропинки стебли. Мне было не до красот.

– Давай я рюкзак понесу, – предложила Леся, легко перебирая ногами. – Мне в кроссовках удобнее.

– Вот еще, – буркнул я, ощутив себя ужасно неловко от того, что Леська могла посчитать меня неуклюжим.

Минут через десять мы спустились на усыпанную крупной галькой полосу пляжа. По камням, в ложе из нанесенной глины, петляла хрустальная струйка родника, бьющего из-под склона. Но сам источник скрывали густые заросли камыша – тонкие листья, опасные, словно бритва, шурушали от непрекращающегося ветра.

– Давай остановимся прямо здесь, – разуваясь, предложила Леся. – Все равно кругом ни единой души.

Я молча опустил рюкзак и сел на горячие камни, покрытые искрящейся пудрой соли. Снять туфли оказалось истинным наслаждением, я отбросил их и размял ступни, разгоряченные трудным спуском. Блеск моря резал глаза.

– С ума можно сойти, как тут красиво... – Леся закинула руки за голову и выгнулась навстречу солнцу. – Остаться бы здесь на недельку, вдали от цивилизации.

– Или на две, – согласился я. – Жаль, что у меня увольнение всего трое суток. Нельзя же не явиться на торжественный выпуск.

– Жаль, – согласилась Леся, стягивая с себя майку. – Давай окунемся, потом разберем рюкзак.

Не дожидаясь ответа, она скинула шорты, оставшись в едва прикрывающем тело купальнике. У меня замерло сердце. Мне захотелось подойти к ней и, не говоря ни слова, провести ладонью по ложбинке спины, по бедрам, по волосам, пронизанным солнечным светом. Леська показалась мне волнующе изменившейся – спортивность фигуры, раньше для меня не заметная, подчеркивала ее красоту. Не холодное совершенство, какое мы проходили на уроках искусства, а удивительную манящую силу, отстраняющую разум от управления телом. Одуманный, я готов был встать и сделать все по велению незнакомого чувства, кроме того, во мне крепла уверенность, что Леся не станет противиться. Мне пришлось пинками разбудить парализованную волю, заставить ее вцепиться в мышцы и не дать мне подняться с места.

– Да, остудиться не помешает, – слотнул я слюну и неловко стянул с себя брюки. Под ними были стандартные купальные шорты, серебристые и гладкие, как рыба чешуя. Они не могли полностью скрыть внешних признаков крепнувшего желания. Я, не разгибаясь, привстал, оттолкнулся и щучкой прыгнул в шипящую прибрежную пену. Такой прыжок был далек от совершенства, зато моментально смыл нахлынувший жар возбуждения. Открыв глаза, я проплыл под водой, наслаждаясь переливчатой игрой света на дне, затем вынырнул и повертел головой, отчего с волос слетели сверкающие бусинки брызг. На губах остался вкус моря. Сердце продолжало колотиться, как выброшенная на берег рыбка, но задержка дыхания сделала свое дело – в голове прояснилось.

– Вода холодная! – сообщила Леся, зайдя по колено.

– Это кажется, – рассмеялся я. – Не стой, окунайся сразу.

– Подожди, дай привыкнуть.

– Да прыгай же! – Я широкими гребками направился к берегу, снова начиная воспринимать Леську как друга.

– Только не брызгайся! – предупредила она, видимо, уловив мое намерение, и тут же присела, погрузившись по шею. – Фух! До чего же тут замечательно! – Она зачерпнула воду ладонями и подбросила вверх, любясь искристыми каплями. – Теперь я понимаю выражение «небо в алмазах», – улыбнулась она.

Я перевернулся на спину и раскинул руки звездой, чуть покачиваясь на волнах. Леська, казалось, не обратила на этот трюк никакого внимания. Это меня задело.

– И долго ты так можешь лежать на воде? – Леся все же решила оценить мои усилия.

– Пока не замерзну, – ответил я, довольный ее реакцией.

– И что? – съязвила она. – Будешь ставить рекорды или все-таки искупаемся?

– Ты без издевок не можешь, – улыбнулся я. – Ладно, поплыли. Там возле мыса, если верить карте, есть песчаная отмель.

Леся оттолкнулась и брассом направилась вдоль берега. Мне без труда удалось ее догнать.

– Далеко? – поинтересовалась она, по-лягушачьи толкая воду ногами.

– Отсюда метров двести.

– Можно было пройти по берегу.

– По морю приятнее. – Я продолжал плыть на спине, лениво подгребая ладонями.

– Охотник, – фыркнула Леся. – А в воду прыгаешь, как кривая коряга.

– Это я маскируюсь, – смутился я, вспомнив состояние, загнавшее меня в море.

На какое-то время те же ощущения вновь овладели мной, так что пришлось перевернуться и тоже плыть брассом. Эта неконтролируемая физиология начинала действовать мне на нервы.

– Почему около мыса столько чаек? – спросила Леся.

Мне показалось, что она видит меня насквозь и специально задает вопросы о море, чтобы отвлечь. Но я не знал, как реагировать на такую заботу.

– На отмели рыбу лучше видно и легче ловить, – охотно пояснил я. – А тот плоский камень на карте назван Рыбачьим.

Леся перевернулась на спину, щурясь от солнца, но ей приходилось работать ногами, чтобы не погружаться. По сравнению с ней я парил в водной стихии.

Скоро мы доплыли до отмели.

– Здесь можно стоять, – сказал я и нащупал ногами дно.

Над песчаной косой летали чайки. Они не обращали на людей никакого внимания, занимаясь бесконечной охотой, из которой почти целиком состояла их жизнь. Их выкрики были для меня неотъемлемой частью моря.

– Какой мягкий песок... – Леся остановилась, часто дыша от приложенных во время заплыва усилий. – Прямо как бархат.

Вода доходила ей до шеи, почти не скрывая едва прикрытую купальником грудь с затвердевшими от прохлады сосками. Я снова отвел взгляд. Мысли спутались окончательно, и я промолчал, хотя мог, конечно, ответить что-нибудь подобающее.

– Почему ты все время отмалчиваешься? – сощурилась Леся. – Мы два года с тобой не виделись, а ты ведешь себя, как чужой.

– Устал. – Мне не хотелось отвечать честно. – Знаешь, какие у нас тренировки?

– Ты же говорил, они кончились неделю назад. Может, я зря приехала? – Леся пожалала плечами и отвернулась к нависающему над морем обрыву.

– Нет, ты что, – я подошел к ней и робко взял за руку, как раньше.

Только вышло совсем не как раньше. Рука у нее была теплой и ласковой, от ладони струилось нечто похожее на ветерок, только ясно было, что никакого ветра под водой не бывает. Я понял, что мог бы так простоять тысячу лет и ни разу не шевельнуться.

– Честно? – она оглянулась через плечо.

Я испугался, что она могла угадать мои мысли, и поспешно ответил, глядя в ее глаза:

– Да, для меня твой приезд очень важен.

– Ладно, – она повернулась ко мне, вновь вызвав волну учащенного пульса. – Давай попрыгаем?

– Как? – до меня не сразу дошло.

– С коленок. Ты стал ужасным занудой в своей учебке!

Я вспомнил, как мы прыгали, когда сбегали с уроков на речку.

– Давай, – мне понравилась эта идея.

Леська взяла меня за руки, я присел, и она влезла мне на колени.

– Готова? – спросил я, приседая.

– Да!

Мои ноги распрямились, как рычаг катапульты, подбросив Леську в облаке сверкающих брызг.

«Lesya in the Sky with Diamonds», – переиначил я бессмертную строчку «Битлз».

Моя подруга кувыркнулась в голубых небесах и, распрямившись, пробила поверхность моря. Ее тень грациозно скользнула вдоль дна, а вода в месте удара зашипела, словно откупоренная бутылка газировки. Леся вынырнула и помотала головой, разбрасывая бисер брызг.

– Как хорошо! – воскликнула она. – Совсем не так, как в реке!

– Сравнила! – рассмеялся я.

Она шутливо брызнула мне в лицо, я ответил, и между нами завязался настоящий морской бой, только вместо орудийной пальбы звучали наш хохот и визг. Наконец мы устали и выбрались на рыбацкий камень, блаженно распластавшись на его гладкой поверхности.

– У нас море совсем другое, – произнесла Леся, не поднимая век.

– Конечно. В нем не купаешься.

– Не только. Оно вообще другое. У нас оно суровое, а здесь доброе. Правда?

– Наверное, – я не очень понял, о чем она ведет речь. – Расскажи, как там дома?

– Только месяц назад снег сошел.

Трудно было представить, что где-то может быть снег.

– А моя мама?

– За два года я говорила с ней всего раза два. Да и то не лично, а по вифону. Если в общих чертах, то она очень недовольна твоим поступлением в учебку охотников. Она думает, что я в этом виновата.

– Узнаю свою маму, – вздохнул я.

– Она отговаривала меня ехать сюда, не хотела, чтобы я тебя поддержала.

– Хорошо, что ты решила по-своему, – я действительно был рад ее приезду.

– Мы ведь друзья. – Леська открыла глаза и тут же сощурилась от яркого солнца. – Хотя я тоже не в восторге от твоего решения.

– Почему? – от удивления я слегка приподнялся на локте.

– Я не буду поступать в учебку охотников, – ответила Леся. – Никогда.

– Ну и дела. – Я сел на камень и отряхнул со спины приставшие песчинки. – Что случилось?

– Ничего. Просто я поняла, что в романтике подводной охоты меня манило прежде всего море, а не опасность. Я подала заявление в океанический институт.

– Рыбок изучать? – насупился я. – Не ожидал от тебя такого.

И вдруг на меня накатила волна не обиды, а совершенно другого чувства – я осознал, что решение Леси может навсегда нас разлучить. Навсегда. Это слово больно толкнуло в сердце, и у меня нос зачесался от неожиданно подступивших слез. Кажется, она не поняла, отчего я умолк.

– Обиделся? – Леся подняла на меня взгляд.

– Нет, – вздохнул я. – Но как-то грустно все.

– Может, и не грустно, – она отвела взгляд и устремила его в сверкающую морскую даль. – Все зависит от одного очень важного обстоятельства. Я приехала, чтобы выяснить это.

От странного предчувствия у меня захватило дух. И следующая фраза Леси прозвучала как во сне, как в самой смелой из юношеских фантазий.

– Скажи честно, я тебе нравлюсь? – шевельнулись Леськины губы. – Как девушка.

У меня ком застрял в горле, и мне пришлось с усилием его протолкнуть, чтобы ответить.

– Да. – Собственный голос мне показался чужим. – Очень.

– Тогда обними меня.

Я и думать не мог, что мою мечту мне поднесут вот так, на блюдечке с голубой каемочкой. Бери – не хочу. Но я хотел. Я просто сгорал от желания.

Когда моя ладонь коснулась ее плеча, по жилам пробежала волна пламени – ни в одной из моих фантазий не было ничего подобного. Я обнял подругу и ощутил дрожь в ее теле, обнял крепче, и она прижалась ко мне в ответ.

– Поцелуй меня, – горячо шепнула она мне в ухо.

Я прижал Лесю к себе и принялся целовать, сначала робко, но понемногу все больше входил во вкус, так что скоро мы слились в бесконечном головокружительном поцелуе. Это было похоже на вознесение в небеса и на падение в бездну одновременно – я перестал ощущать

пространство вокруг, перестал слышать звуки, кроме биения двух разгоряченных сердец. Я пил этот поток ощущений, я захлебывался в нем, он тянул меня дальше, но я не знал, можно ли сделать следующий шаг. За меня его сделала Леся – она не столько отдалась мне, сколько сама овладела мной, будто я принадлежал ей по древнему матриархальному праву.

Когда все кончилось, я еще долго не мог вернуться в привычный мир ощущений – у меня свистело в ушах, глаза ничего не видели, но в то же время вся Вселенная легко умещалась у меня внутри, и я мог с легкостью разглядеть, что творится в любом из ее уголков. Я видел, как мы с Лесей лежим на камне в объятиях друг у друга, а вокруг ни души на десятки километров вокруг. Вне пространства время скользило наискось, и я понял, что в первую минуту после близости человек становится богом. Только первую минуту, потом все проходит. Я распахнул глаза.

– Я и не думал, что может быть так хорошо, – вырвалось у меня.

– Ты можешь отказаться от распределения, – негромко ответила Леся. – После учебки охотников тебя без конкурса возьмут в океанический. Нам всегда может быть так хорошо.

Если честно, то я ожидал чего-то подобного и все равно не сразу нашелся с ответом.

– Это будет предательством, – буркнул я.

– В отношении кого? – Леся села передо мной так, что на фоне солнца был виден только ее силуэт.

– В отношении мечты. Нашей мечты.

– Ты дурак, – фыркнула она и соскользнула с камня на песчаную полосу пляжа. – Упертый дурак.

Я не стал смотреть, как она надевает купальник. Мне стало стыдно, но я уже точно знал, что не отступлю.

– Никогда не видела такого упрямца. Ты сам себе придумал мечту и уперся в нее, как баран! Не видишь, что все изменилось, не чувствуешь... – Она хотела что-то добавить, но махнула рукой и пошла туда, где мы оставили вещи. – Отвези меня на вокзал! – зло крикнула Леська, натягивая майку.

Я влез в шорты и поплелся к ней.

– Мы ведь хотели подикарствовать тут дня два, – попробовал воспротивиться я.

– Ты думаешь, я смогу пробыть рядом с тобой еще хоть час? Предательство, говоришь? Вот по отношению ко мне ты действительно предатель. Отвези меня на вокзал! Можешь ты сделать хоть эту малость?

Это меня окончательно добило. Я подхватил рюкзак, сунул ноги в узкие туфли и, прихрамывая, направился к тропке, ведущей наверх.

Недоброе утро

На плацу у наших ног трепетали пятнышки теплого света. В тридцати километрах на юге можно было различить ажурные громады севастопольских небоскребов, так прозрачен был утренний воздух. Небо расчерчивали стрижи, хватая витающий тополиный пух.

– Вольно! – скомандовал командир отделения.

Его зычный голос вырвал меня из мира воспоминаний, сразу приблизив к реальности. Я закинул руки за спину и отставил левую ногу. Остальные девять человек в шеренге тоже расслабились. В тени деревьев еще витали остатки прохлады, воздух был легким и влажным, но на солнце уже начинало приятно припекать.

Командира мы звали Ушан. Не за уши, а за фамилию.

– Ремни к осмотру! – коротко рявкнул он, спугнув с ветвей отдыхающих воробьев и окончательно вытолкнув меня из полудремы.

Эта команда была для нас новой, поскольку сегодня после подъема нам впервые выдали настоящие кожаные ремни с бляхами. Форму тоже сменили с кремовой курсантской на темно-синюю, положенную охотникам по уставу. Не знаю, как других, а меня распирало от гордости, хотя брюки не были подогнаны по фигуре и висели мешком.

Я снял ремень, обмотав им ладонь, чтобы командир мог беспрепятственно осмотреть сверкающую бляху с чеканной Розой Ветров. Я натирал ее до блеска минут пятнадцать, прежде чем бронза пришла в надлежащий, зеркальный вид. Другие старались не меньше, но, несмотря на это, Витяй получил замечание за недостаточное усердие. Меня и Паса Ушан отчитал за неопрятность прически.

– Шею подбрить, – строго выговорил командир, – виски подстричь. Кантик на затылке подровнять.

– Есть! – коротко ответил я.

Такого ответа требовал устав, хотя поначалу я совершенно не понимал, что именно необходимо есть в данном случае. Только позже, на уроке истории морского дела, нам объяснили, что этот ответ трансформировался из английского «Yes!», вполне логичного при ответе начальнику.

– Десять минут на устранение замечаний! – приказал Ушан. – Р-р-ра-зой-дись! Строиться через пятнадцать минут.

Мы рванули в кубрик.

– Витяй, отбей мне кантик! – на бегу попросил я.

– Мне бляху чистить. – Грохот ботинок по трапу сделал его ответ едва различимым.

Но я понял. Мог бы и сам догадаться.

– Толик!

– Я в галльюн.

– Пас, хоть ты помоги! – Мне удалось схватить за рукав бледного, щуплого парня. – Тебе ведь тоже велели шею подбрить?

Вообще-то его звали Сергеем, но сокращенная фамилия Постригань быстро преобразилась в удобную кличку.

– Ну? – он остановился и глянул на меня, по привычке не ожидая ничего хорошего.

– Я тебе подбрею, ты мне.

– И все?

– Да, – старательно улыбнулся я.

– Ладно, идем. Бритва есть?

– Есть, есть, – мне удалось окончательно его успокоить.

– Только я за качество не ручаюсь, – честно предупредил он.

– Плевать! Вперед, а то времени мало.

Я вынул из рундука безопасную бритву, Пас взял свою, и мы уединились в умывальнике, сверкающем зеркалами и белоснежной композитовой плиткой. Со своей частью работы я справился в несколько быстрых движений, удалив с шеи Паса лишние волосы. Теперь мне предстояло подставить свой затылок, но Пас словно нарочно оттягивал время – аккуратно стряхнул и промыл свою бритву, так же аккуратно уложил ее в футляр и спрятал в карман.

– Слушай, чистюля, побыстрее нельзя? – не выдержал я.

– Мылить? – спросил Пас.

– Некогда, – отмахнулся я.

Он положил мне ладонь на темя, и я склонился над раковиной. Сухое лезвие неприятно царапнуло кожу.

– Ты не боишься распределения? – осторожно спросил Пас, подбывая мне шею.

– Ну ты даешь! – меня удивила такая постановка вопроса. – Если дрейфишь, зачем вообще поступал в учебку охотников?

– Мне говорили, что здесь все по-другому, – признался Пас.

– На базе будет легче. Вот увидишь. – Мне хотелось успокоить его, потому что бритва в дрожащих руках заставляла меня нервничать.

– Откуда ты знаешь?

Это был серьезный вопрос, поскольку из всех людей, с кем нам приходилось общаться, на базах служили только командиры взводов. Они приезжали на два года, вели курс, а после распределения убывали обратно. Но вытянуть из них достоверную информацию о быте охотников казалось немислимым.

– Слухи, – честно ответил я.

– Понятно. – Пас вздохнул и принялся ровнять мне кантик. – Знаешь, чего я больше всего боюсь?

– Ну?

– Попасть на базу одному. Представляешь? Все новое, непонятное, ты ничего не знаешь, а вокруг все чужие.

– Так не бывает, – ответил я. – Есть закон, по которому на одну базу распределяют не меньше двух курсантов из одного отделения.

– Точно?

– Точно, – подтвердил я. – Толик разведал, когда дежурил по штабу.

Бритва скользнула по шее еще несколькими скребущими движениями, после чего Пас отошел на шаг и придирчиво оглядел дело рук своих.

– Кривовато, – признался он.

– Да ладно, – меня утомила неудобная поза. – Главное, чтобы Ушан не цеплялся.

– Очень криво, – вздохнул Пас.

Это меня насторожило. Я попробовал оглядеть затылок в зеркало, но подробностей видно не было.

– Сейчас, подожди, – дрогнувшими губами попросил меня Пас и скрылся за дверью.

Я попробовал ощупать кантик, но ничего ужасного не обнаружил. Через минуту Пас вернулся и протянул мне компактное бритвенное зеркальце. Через него я без труда разглядел отражение собственного затылка в большом зеркале.

– Фу, напугал, – улыбнулся я. – Ну, слева чуть подровняй, и будет нормально.

– Ты не сердись? – повеселел Пас.

– С чего бы? Равняй поскорее.

Конечно, руки у него были кривые, нечего сказать – другой справился бы со столь простой задачей и быстрее и лучше. Но у меня не было альтернативы. Пас высунул язык от усердия и поскреб бритвой левую часть моего затылка. Кожа начала пощипывать от раздражения.

– Что-то не очень хорошо получается, – вздохнул он.

Я взял с полочки зеркальце и осмотрел работу – теперь левая часть кантика оказалась выше правой.

– Не расстраивайся. – Я постарался сдержать растущее бешенство. – Еще справа сними. Только чуть-чуть.

Так он ровнял меня минут пять, при этом линия волос на моем затылке стремительно поднималась, пока не достигла критической отметки.

– Стой! – я вырвал бритву из его руки. – Чтоб тебя!

Мой затылок был похож на синий подбородок лежащего больного, которого бреют раз в три дня. Кантик проходил по уровню верхней кромки ушей.

– Извини, – Пас опустил глаза.

– Катись отсюда! – В отчаянии я был готов наброситься на него с кулаками.

Он вырвал из моей руки зеркальце и скрылся за дверью. Я обреченно ощупал колкую щетину на затылке, и жизнь показалась мне прожитой зря. Это же надо! Ведь сегодня торжественный выпуск и отъезд на базу, а вид у меня такой, что рыбы засмеют. Мне пришлось потереть нос, чтобы не пустить слезу.

– Строиться на завтрак! – взревел на плацу Ушан.

Я сунул бритву в карман новых брюк и выбрался из жилого корпуса в прозрачный утренний воздух.

– Раз, два, три, – считал командир, отбивая такт левой ногой.

На счет «десять» всему отделению надлежало стоять по ранжиру, то есть по росту. Я занял привычное место и тут же услышал хихиканье за спиной.

– Десять!

Мы замерли, вытянувшись по стойке «смирно». Я почти физически ощущал, как шесть пар глаз буравят мой до неприличия обнаженный затылок. Наконец Влад не выдержал и фыркнул. От стыда и злобы кровь ударила мне в голову.

– Отставить смех! – рявнул Ушан. – На камбуз шагом марш!

Мы тронулись. Командир остался на месте, по обыкновению пропуская колонну вперед, а я, стиснув зубы, ждал, когда он заметит изменения в моей прическе.

– Стой! Раз, два, – наконец остановил нас Ушан. В его голосе слышалось плохо скрытое удивление. – Савельев! – окликнул меня командир.

– Я! – вырвался из моей глотки уставной ответ.

– Тебе что было приказано?

– Подравнивать кантик! – отрапортовал я.

– А ты что сделал? У тебя голова теперь на небритую жопу похожа!

Отделение грохнуло смехом.

Честно говоря, в тот момент я бы очень обрадовался, если бы провалился сквозь землю.

– Ладно, – Ушан насмешливо сощурился мне в лицо. – После завтрака разберемся. Отставить смешки! Отделение! Шагом марш!

Колонна тронулась с места. Я шагал, еле сдерживая слезы стыда и отчаяния.

По уставу в день торжественного выпуска завтрак и обед должны содержать праздничные элементы – шоколад, конфеты, фрукты и сладкие булочки. Но главным праздничным блюдом, которое обсмаковала вся учебка, была, конечно, моя полувыверитая голова. Мне кусок не лез в горло, но встать и выйти с камбуза я не мог. Ушан делал вид, что не замечает всеобщего воодушевления, хотя его эпитет, охарактеризовавший мою прическу перед строем, моментально сделался крылатой фразой и с хохотом передавался из уст в уста.

Ребята, которые за два года стали казаться мне друзьями, превратились в толпу, живущую по своим, не вполне человеческим законам. Я заметил, что многие смеялись не от веселья, а от страха выпасть за пределы общей эмоции, ведь любой сочувствующий моментально оказался

бы на моем месте. Но были и те, кто получал удовольствие от чужой беды. Кто-то из них, как бы невзначай, заехал мне половником по затылку.

Захотелось вскочить, схватить обидчика за грудки и шарахнуть лицом о стол, так, чтобы тарелки полетели на пол. Я знал, что накопившейся во мне ярости хватит на расправу с десятком самых горячих голов, а остальные не сунутся, опасаясь быть отчисленными. Но в то же время мне было ясно, что такая победа обернется для меня поражением. Хотя бы потому, что первым отчислят меня самого.

Я решил не обращать внимания на провокации и поднес ко рту стакан с молоком. В тот же миг кто-то, уже не стесняясь, толкнул меня в спину. Содержимое стакана выплеснулось на новенькую темно-синюю форму. Все на камбузе дружно покатались от хохота.

Моя реакция на такой поворот событий для меня самого оказалась несколько неожиданной – дотянувшись до салфетки, я промокнул рубашку и рассмеялся в ответ. Прошла секунда, и мой хохот уже звучал в полной тишине – остальные умолкли. Я заметил, как испугался Ушан, встретившись со мной взглядом. От этого мне стало еще смешнее.

Больше всего я веселился от того, что понял, каким дураком был вчера, не согласившись с Леськиным предложением. Мне достаточно было отказаться от распределения и вернуться домой, тогда Пас не изувечил бы мою прическу, не было бы этих насмешек и не возникла бы ситуация, в которой мне придется кого-то убить. А так я твердо решил это сделать, поскольку ребята, забавляясь, перешли границу того, что я мог им простить.

Я промокнул салфеткой заслезившиеся от смеха глаза, вынул из бачка с кашей увесистый половник и встал, глядя в лица бывших друзей. Некоторые опускали глаза, но большинство не сводило взгляда с половника, прекрасно отдавая себе отчет, что в моих руках он может стать смертельным оружием.

И тут новый приступ хохота согнул меня пополам, я бросил половник обратно в бачок, сел на место и закрыл содрогающееся лицо ладонями.

– Закончить прием пищи! – наперебой закричали командиры отделений. – Встать, выходи строиться!

Ушан цепко оглядел меня и приказал:

– Савельев, сразу после завтрака прибыть к командиру взвода.

– Есть! – ответил я, не в силах справиться со спазмами смеха.

Остальные покидали камбуз в полном молчании.

Я был уверен, что меня отчислят, хотя не мог представить формулировку, по которой это можно сделать. За подъем из-за стола без команды полагалось максимум два наряда по кубрику, а за намерение, не перешедшее в действие, в учебке никого не наказывали.

– Стой! Раз, два, – скомандовал Ушан, когда мы вернулись на плац. – Полчаса личного времени. Всем готовиться к торжественной церемонии. Р-р-ра-зой-дись! Савельев, к командиру взвода!

– Есть. – Мне не удалось ответить сдержанно, но Ушану было без разницы. Он утратил ко мне интерес.

Ребята бросились к дверям кубрика, а я направился в противоположную сторону. На краю плаца, неуверенно сбившись в кучу, ждали построения салаги, приехавшие вчера. Бритые, в мешковатой кремовой форме, они походили скорее на выводок мокрых котят, чем на будущих охотников. Меня они разглядывали со смесью почтения и страха. В общем-то, их можно было понять. Я вспомнил, как два года назад, по пути сюда, мои одногодки из уст в уста передавали рассказы о зверствах старших курсантов и командиров. Из-за отсутствия достоверной информации приходилось верить всему услышанному, так что у нас вид был точно такой же. Униженно-испуганный.

Проходя мимо салаг, я расслышал глухой шепоток за спиной.

– Видали, как он башку выбрил? – сдавленно просипел один.

– Это у них основные так помечаются, – тоном знатока ответил другой. – Самое зверье.
– Тише вы! – одернул их третий. – Знаете, какой у них слух вырабатывается за два года? Голоса сделались еще тише, и я перестал их различать.

На первом этаже командного корпуса мне без труда удалось отыскать кабинет командира третьего взвода. Я позвонил.

– Старший курсант Савельев? – хрюкнула изношенная мембрана динамика. – Заходи.

Дверь сдвинулась в сторону, и я шагнул за порог. Тут же замер, вытянулся по струнке и рявкнул, тщательно скрывая всякие признаки интеллекта:

– Старший курсант Савельев по вашему приказанию прибыл!

Дверь с шипением стала на место. В кабинете воцарилось молчание, заполненное шорохом листвы за открытым окном и писком стрижей, рассекающих небо. Вдоль стен располагались стеллажи с сувенирами и трофеями – кораллы, морские звезды, сушеные рыбы фантастических форм. Другую стену украшали не очень профессиональные рисунки, в которых тем не менее бушевала настоящая страсть. На одном вздымались пенные волны, на другом шла схватка охотника с торпедой, а на третьей, в темной морской глубине, притаилась донная пусковая платформа. Этот рисунок впечатлил меня больше других. Художнику с большой достоверностью удалось изобразить хищное ожидание этой твари – в переплетениях жгутовых ферм чудилось натяжение жил готового к прыжку зверя. Платформа была изображена настолько вольно, что определить ее класс я бы не взялся. Это не «Эльза», поскольку у той шестнадцать запорных мембран, а у этой лишь восемь. Похожа на легкую «Марину», но у нее их четыре, так что тоже не то. «Катрин» и «Регина» держатся за грунт совершенно иначе. Чушь, короче. Просто платформа. Технические подробности художнику были не очень важны, он стремился передать именно ощущение опасности, исходящее от спрятанного в глубине чудовища.

Прямо передо мной находился стол, переделанный из командирского боевого пульта. Отсветы монитора на столе говорили о том, что электроника, по крайней мере частично, сохранила свои рабочие функции, несмотря на слепые гнезда разъемов, ведущие в никуда.

За столом в тяжелом гидравлическом кресле сидел командир.

– Вольно, – сказал он, оторвав наконец взгляд от экрана.

Он положил ладони на подлокотники и впился в меня взглядом.

Из-за множества бородавок на лице и лысом черепе его звали Жабом. В принципе, это и лицом было трудно назвать – натуральная лягушачья морда, высунувшаяся из темно-синего воротника. Даже ресницы и брови у него отсутствовали. Хорошо хоть кожа не зеленая.

Я отставил ногу и закинул руки за спину.

– Мне доложили об инциденте на камбузе. – Голос у командира был дребезжащим и чуть клокочущим. – Почему ты поднялся из-за стола без команды?

– Меня кто-то толкнул, когда я пил молоко. Хотел выяснить, кто это сделал.

Жаб задумчиво почесал лысую кожу на черепе. Видно было, что на затылке она собирается в три внушительные складки. Эта рыхлая лысина пугала в его облике больше всего, заставляя всех без исключения курсантов испытывать по отношению к командиру почтение, смешанное с изрядной долей страха. Как выглядели командиры других взводов, мне видеть не приходилось, а трое ротных были обычными сухопутными крысами, похожими на школьных учителей.

– И что было бы, если бы ты узнал своего обидчика? – В его голосе невозможно было уловить эмоции.

– Не знаю, – ответил я.

– Понятно. – Он прищурился и вдруг рявкнул: – Кру-гом!

Я выполнил команду четко, как на плацу. Звонко щелкнули каблучки. Теперь передо мной была дверь. То ли нервы у меня окончательно сдали, то ли с губ взводного действительно сорвался смешок.

– Кругом, – гораздо тише произнес он.

Я развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Не повезло тебе, охотник, – змеиным шепотом протянул Жаб. – Прозвища вроде Небритой Жопы прилипают надолго, по себе знаю.

Мне с трудом удалось сдержать улыбку – его голова, на мой взгляд, имела больше общего с задницей, чем мой полувыбритый затылок. И в то же время ощущение создавалось такое, будто опасность грозит именно моей заднице.

Легкий бриз, проникая в кабинет, трепал уголки рисунков. Командир задумчиво пробежал глазами по экрану компьютера и снова поднял взгляд на меня.

– Здесь список распределений всего взвода, – сухо сообщил он.

Мне этого знать точно не полагалось. Мало того, многие из тех, кто недавно смеялся над мной на камбузе, сплясали бы голыми на столе за возможность заглянуть в этот файл.

– Хочешь посмотреть?

На самом деле мне хотелось ущипнуть себя за бедро, но я сдержался.

– Так точно, – ответил я, стараясь ни в чем не отклониться от уставных отношений с начальством.

В принципе предложение командира почти наверняка означало мое отчисление, поскольку с такой информацией в голове мне вряд ли будет позволено перемолвиться с бывшими товарищами хотя бы десятком слов.

– Можешь взглянуть.

Я не очень уверенно обогнул стол и осторожно бросил взгляд на экран компьютера. Внутри у меня все трепетало, словно мне предложили заглянуть в файл с описанием моей судьбы, включая точную дату смерти. Взгляд выхватил лишь самое важное: Роман Савельев, уровень допуска первый, база «D-26», Тихий океан. Со мной должны были ехать Влад, двое ребят из его прихвостней и четверо из другого отделения. Их я почти не знал.

– Доволен? – чуть насмешливо спросил Жаб.

– Никак нет, – набравшись смелости, ответил я.

– Не сложились отношения с ребятами? – Тонкие губы командира дрогнули в подобии улыбки.

– С этими не сложились.

– Ну, после твоей утренней стрижки вряд ли что-то улучшится. – Жаб повернулся в кресле. – Если кто-то из недругов попадет с тобой на одну базу, ты до самого увольнения останешься посмешищем. Или до самой смерти. Как повезет.

Об этом я был способен догадаться и сам.

– Вы хотите меня отчислить. – Я решил произнести эту фразу без вопросительной интонации. – Пытаетесь выставить это благом для меня. Не надо.

Я умолк, стиснув кулаки, иначе все эмоции выплеснулись бы из меня наружу.

Жаб придвинулся ближе ко мне.

– Я командир и сам способен решить, что надо делать, а что нет, – он понизил голос до угрожающе вкрадчивого шепота. – Но сейчас, охотник, я хочу тебе самому дать возможность принять важное решение. Причем не только за себя, но и за другого человека, который о нашем разговоре понятия не имеет.

Я еще не понял, о чем пойдет речь, но холодок страха уже пробежал по моей спине. Бриз дунул в окно сильнее. Запахло морем.

– Ты можешь выбрать один из двух путей. – Голос командира kloкотал почти в самое мое ухо. – Либо отправиться согласно штатному расписанию на базу «D-26», либо через двадцать минут погрузиться на транспорт, идущий в Атлантику, на базу «C-34». Там не так горячо, как у берегов Японии, и медаль, скажу прямо, заработать будет непросто. Точнее, почти невозможно,

если не случится стихийное бедствие. Но с кличкой Небритая Жопа ты ее не заработаешь и на «D-26». До конца службы просидишь помощником кока на камбузе.

Он был прав. Я долго не раздумывал:

– Я поеду в Атлантику.

Жаб довольно прижмурился и занял в кресле прежнее положение – откинулся на спинку и расслабил плечи. Мерцание монитора отсвечивало на его голых надбровных дугах.

Пух от тополя влетел в окно и медленно закружился по кабинету. В детстве мы верили, что, кто поймает такую пушинку, на следующий день получит письмо. Но мне это не грозило. Не от кого.

– Теперь осталось выяснить, чью еще судьбу ты сейчас решил, – командир потер ладони и положил пальцы на клавиатуру. – Есть предложения?

– В смысле? – не понял я.

– База «С-34» не входит в список распределения, – пояснил Жаб. – Туда никого не собирались отправлять. Но я сам оттуда, поэтому имею право привезти с собой пополнение.

Мне стало ясно, в чем заключалась проблема.

– Вы не можете взять меня одного? – спросил я.

– Да, есть такой закон. Понимаешь, база «С-34» не из лучших. Скучно там, а молодые охотники стремятся совершать подвиги. С тобой все ясно, ты свой выбор сделал, а вот загнать ни в чем не повинного курсанта в океанскую глухомань мне представляется не совсем этичным.

– Сергей Постригань был бы рад попасть в спокойное место! – сразу произнес я.

– Ты думаешь?

– Так точно!

– Расслабься, – насмешливо фыркнул Жаб.

– Да, я уверен, – мне пришлось чуть понизить голос.

– Почему?

– Он сам сказал, когда подбирал мне шею.

Я спохватился, что сболтнул лишнего, но слово не воробей, вылетит – не поймашь.

– Вот как? – кожа на лбу Жаба сморщилась от удивления. – Тоже мне, Постригань! Не то что постричь, кантик подровнять не может... Похоже, ты решил с ним покончить?

– Нет, – ответил я, с трудом поборов въевшийся рефлекс говорить с начальством исключительно уставными фразами. В данной ситуации человеческий ответ показался мне намного уместнее. – Он просто рохля. Да еще и чистюля в придачу. Ему будет трудно на боевой базе.

Витающая по комнате тополиная пушинка зацепилась за край рисунка с ракетной платформой.

– Ладно, – взводный на секунду задумался. – На жаждущего мести ты действительно не очень похож. – Он нажал кнопку селектора и пророкотал в микрофон: – Дежурный!

– Я! – донеслось из динамика.

– Немедленно доставьте мне в кабинет вещи старшего курсанта Савельева из первого отделения и прикажите явиться с вещами старшему курсанту Постриганю.

Я не знал, как себя вести. То ли вернуться к двери и принять стойку «вольно», то ли остаться рядом с командирским креслом. Второй вариант казался мне теперь неуместным, а первый подразумевал передвижение в кабинете начальника без команды.

– Разрешите вернуться на место? – помучившись, спросил я.

– Да, если хочешь, – безразлично ответил Жаб и снова нажал кнопку селектора. – Дежурный!

– Я!

– Через десять минут мою машину к воротам.

– Есть!

Сердце у меня забилося так, что жилки запульсировали на шее. Буря чувств нарастала во мне – смешанных, противоречивых. Я понял, что вот-вот навсегда уеду отсюда. Это походило на отпущение грехов, ведь все, что здесь случилось со мной, все мои ошибки, неточности, неловкие ситуации, покинут меня за дверью этого кабинета. Но в то же время неизвестность, ожидающая за тем же порогом, все сильнее начинала меня пугать. Наверное, Пас попросту был более чутким, он ощутил то же самое раньше.

Жаб потер лоб ладонью, взглянул на меня и снова вдавил кнопку селектора. С удивлением я понял, что он тоже нервничает перед отъездом.

– Дежурный! – произнес он в микрофон.

– Я! – По интонации курсанта явственно слышалось, что именно он думает о столь частых вызовах.

– Свяжитесь со старшиной взвода. Пусть он доставит мне новую рубашку размера «четыре-шесть». Немедленно!

– Есть!

Уже через пару минут старшина принес рубашку в кабинет. На его лице читалось вполне объяснимое удивление.

– Доставлено по вашему приказанию, – доложил он, положив сверток на край стола.

– Спасибо, свободны, – коротко кивнул Жаб.

Старшина развернулся кругом и покинул кабинет. Я переоделся, ощущая себя змеей, меняющей кожу. Казалось, грязное пятно вобрало в себя все неприятности, случившиеся со мной за два года. Включая и горечь расставания с Лесей. В кармане грязной рубашки осталась фотография, на которой мы с ребятами сгрудились в парке, – я, Леська, Вовик Лукич, Милка и Рита с Вадиком. Я хотел вытащить снимок, но не решался проявлять телячью нежность при командире.

– В утилизатор, – рявкнул Жаб, заметив мое замешательство.

«В утилизатор так в утилизатор», – подумал я.

Сердце на миг защемило, но тут же отпустило – я окончательно осознал, что с прошлым меня не связывает более ничего. Скомкав рубашку вместе со снимком, я швырнул ее в контейнер возле стены. В одну реку нельзя войти дважды. Захотелось наголо выбрить всю голову.

– Разрешите пройти в уборную! – мне показалось уместным вновь перейти на язык уставных фраз. Слезы подступали к глазам.

– Ступай. Бритва есть?

– Так точно! – я хлопнул себя по карману.

– Тогда вперед, охотник!

– Есть!

За черту горизонта

Когда я смывал остатки мыла со своей гладко выбритой головы, кто-то с шорохом протиснулся в приоткрытую дверь туалета. Отфыркавшись, я разглядел рядом Паса.

– Извини, – он неуверенно пожал плечами и потер переносицу. – Жаб меня вызвал и сообщил, что забирает нас с тобой на свою базу в качестве пополнения.

– Знаю. – Я закрыл кран.

– Он сказал, что база очень спокойная.

Мне было трудно понять, какие эмоции вызвало у него это известие.

– Это правда, – ответил я.

– Почему ты попросил именно меня? – Пас остановил на мне изучающий взгляд.

– Ты что, откажешься отправиться в спокойное место без Влада?

– Нет. Спасибо. – Он снова опустил взгляд. – Но я был уверен, что ты возненавидишь меня после того, что случилось.

– Сделанного не вернешь, – миролюбиво отмахнулся я. – Это мелочи по сравнению с глубиной океана.

– Да, – ответил Пас, поднимая взгляд.

В его глазах я заметил огонек решимости.

– Хочешь, я тоже побрею голову? – внезапно предложил он.

– Зачем? – удивился я.

– Тогда над тобой никто не будет смеяться. Как будто в учебке был карантин, и весь выпуск заставили выбриться наголо.

– Как хочешь, – я не знал, что еще можно на это ответить.

– Тогда подожди в коридоре, ладно? – Он вынул из кармана футляр с бритвой.

Я пожал плечами и вышел.

Неподалеку, за пультом дежурного, сидел на телефоне младший курсант. Судя по двум желтым нашивкам на рукаве, до выпуска ему оставался еще год. Он украдкой бросил на меня взгляд, в котором не было и тени насмешки, и я отвернулся, сделав вид, будто разглядываю плакаты со схемой кровообращения в жаберных полостях сверхглубинных скафандров. Неуверенность в моей душе сменилась жадной перемен и восторгом ожидающей впереди стихии.

«Барракуда меня дери! – подумалось под нарастающие удары сердца. – Скоро я буду стоять на палубе посреди океана!»

В коридор вышел Пас. Уши на его выбритой голове забавно оттопыривались, но у меня это вызвало не насмешку, а чувство почти братской солидарности лысого к лысому. Я не удержался и хлопнул его по плечу.

– Вперед, охотник!

– Вперед! – Пас расплылся в улыбке. – Мы теперь с тобой два лысых хрена.

– Точно! – подхватил я. – Может, создадим братство хреноголовых?

– Давай, – согласился Пас. – Только ты председателем.

Мы двинулись по коридору в кабинет Жаба. Дойдя до двери, я нажал кнопку звонка.

– Где вас носит так долго? – пророкотал в ответ динамик.

Дверь с шипением сдвинулась, и мы увидели командира, собирающего в сверкающий кейс личные вещи со стола. Он показался мне более устрашающим, чем обычно. И хотя росту в нем было меньше, чем во мне, зато он был грузным и широкоплечим – я бы не рискнул сразиться с ним в рукопашную.

– Готовы? – он окинул нас оценивающим взглядом.

– Так точно! – отрапортовал я, заметив у стены два походных рюкзака с нашими фамилиями.

Мне показалось, что перед отъездом Жаб волнуется не меньше меня. Он захлопнул кейс, и щелчок замков повис в воздухе, как красная ракета сигнала к атаке.

– Вперед, охотники! – рявкнул Жаб своим клокочущим голосом и покинул кабинет в несколько широких шагов.

Мы подхватили рюкзаки и бросились по коридору следом за ним. Раньше наш взводный передвигался по училищу чинно, с достоинством, а сейчас бежал, не оглядываясь, словно, как и мы, старался поскорее отделаться от двух прожитых в учебке лет. Мы вырвались наружу, в теплый ветер, наполненный шелестом тополей. Тени стрижей метались под ногами, расчерчивая плац быстрыми, словно торпеды, следами.

Я разглядел машину, поджидавшую нас у ворот. Боги морские, что это была за машина! Настоящая бронированная амфибия океанского класса «KS-8». Штурмовой вариант. Направляясь к ней, я впервые ощутил себя не курсантом, а настоящим охотником. Это было исполнением мечты, ее воплощением в самом прямом смысле слова.

Возле входа, ожидая построения, глазели на броневик наши сокурсники. Я скосил глаза, читая в их взглядах плохо скрытую зависть. Лишь кто-то из прихвостней Влада выкрикнул нам вслед:

– Куда драпаете, сыкуны?

Влад тут же отвесил ему подзатыльник.

– Они уходят за горизонт, идиот... – Это было последнее, что я услышал.

Взревел силовой агрегат амфибии, выпуская из выхлопных труб тугие струи белоснежного пара. Подвеска напряглась, чуть приподняв машину над дорожным покрытием, сухо зашипели тормозные колодки, отпуская огромные колеса из литой рифленой резины.

– В отсек для десанта! – скомандовал Жаб.

Сам он направился к кабине водителя, где располагалось командирское кресло.

На учениях нам приходилось взаимодействовать лишь со старичками морского класса «S-3», «Симочками», как мы их называли, а эта амфибия в сравнении с ними выглядела как кашалот рядом с катраном – броневого утес в тумане выхлопного пара. Я сбросил рюкзак на землю, нащупал руками шершавую скобу лестницы и влез в распахнутый боковой люк. Пас подал мне рюкзаки и неуклюже забрался следом. Люк с завыванием встал на место. Внутри пахло горячим металлом, амортизаторной жидкостью и застоявшимся воздухом – так может пахнуть только боевая машина. Свет исходил из зарешеченного плафона на потолке, сверху свисали брезентовые петли – за них удобно держаться во время качки. В нише на стене был устроен чемодан автономного медицинского модуля.

– Готовы? – прохрипел динамик внутренней связи голосом Жаба.

Мы усьелись на длинную скамью вдоль борта и поставили ноги на рюкзаки.

– Так точно! – рявкнул я, по умолчанию взяв на себя обязанности старшего группы.

Мотор взревел громче, и машина тронулась с места.

У меня замерло сердце. Я зажмурился, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. Броневик медленно двигался по дорожке училищного городка, иногда притормаживал, иногда разгонялся, раскачивая нас на скамье.

У меня над ухом лязгнул металл. Это Пас додумался открыть герметичные шторы стрелковой амбразуры. Порыв свежего ветра ворвался в отсек, я открыл глаза и развернулся, прильнув к бронированной щели. За ней уплывали назад тополя, волейбольная площадка и буфет, в котором мы, вечно голодные, отъедались печеньем и сметаной. Рокочущий двигатель вспугнул воробьиную стаю, и через минуту мы набрали крейсерскую скорость, покидая оазис училищного городка. За бортом потянулась бесконечная крымская степь, и вскоре нам надоело пялиться в амбразуру. Броневик мягко покачивало, как на волнах.

– По-моему, имеет смысл подремать. – Я поставил ноги на рюкзак и уперся в переборку голым затылком. – А то барракуда его знает, что будет дальше.

До умопомрачения приятно было сидеть с закрытыми глазами и представлять, будто не едешь по земле, а летишь по небу или плывешь по волнам. Иногда вдоль дороги попадались длинные ряды тополей, от которых солнечный свет на опущенных веках мелькал алыми сполохами, как на тренировках по ночной стрельбе в симуляторе.

Так мы ехали до самого вечера. Порой мне надоедало сидеть с закрытыми глазами, и я устремлял взор в амбразуру, при этом набегающий поток воздуха врывался в нее, непривычно щекоча кожу на голове. Местность вокруг почти не менялась, однако становилась все более дикой. С трудом верилось, что сто лет назад здесь жили люди. Я попытался представить себе население Земли в шесть миллиардов человек, но в сравнении с оставшимся после войны миллиардом цифра казалась нереальной. Наверное, люди на улицах друг другу на ноги наступали.

Амфибия свернула с шоссе и запылила по давно неезженному проселку.

– Как ты думаешь, куда мы едем? – открыв глаза, спросил Пас.

– Мне почем знать? – Я неохотно пожал плечами. – Может, на точку, с которой будем грузиться, может, в обычный порт. В Одессу, к примеру.

– На прибрежной точке наверняка будут «старики», – в его голосе послышалось напряжение.

– Боишься?

– Боюсь, – признался Пас. – Говорят, они бьют молодых по поводу и без повода.

– Здесь не будут. Мы чужаки, какое им до нас дело?

– А там, на базе?

– Там нужно держаться вместе, – пожал плечами я.

– Это не поможет. Их больше, – Пас вздохнул.

– Главное – не унижаться. Пусть лучше бьют.

– Для кого лучше?

Мне было сложно на это ответить, и я промолчал. Разговор сошел на нет, и мы с Пасом задремали под мерное взрывание мотора. Брезентовая петля покачивалась над моей головой, иногда задевая макушку. От неутихающей жары и пыльного воздуха нестерпимо хотелось пить.

Вскоре за бортом показались тонкие мачты антенн, какие обычно торчат на прибрежных точках слежения. Водитель свернул с проселка и погнал амфибию напрямик к базе, через целинную степь.

– Приехали, – глухо произнес Пас.

– Держаться вместе! – напомнил я, чувствуя, как от волнения у меня в груди чаще забилося сердце. – И не показывать страха, если что.

– Плохо, что мы лысые, как коленки, – вздохнул Пас.

– Прорвемся! – без особой уверенности пообещал я.

База была окружена редкими бетонными столбиками с натянутой между ними ржавой колючей проволокой. От кого понадобилось огораживать территорию посреди безлюдной степи, я не понял, поэтому логично было предположить, что точка слежения переоборудована из старинного военно-морского объекта. Их всегда обносили легкими укреплениями, скорее следуя букве устава, чем требованиям необходимости. Возле сторожки из белого камня в ограждении виднелись выкрашенные серой краской ворота. Амфибия остановилась перед ними, и воздух вздрогнул от мощного трехголосого воя – водитель, видимо, по приказу Жаба, включил боевую сирену, использующую давление выхлопного пара.

Едва она стихла, из сторожки лениво выбрался охотник. Его темно-синяя рубашка была выправлена вопреки уставным нормам, а вместо штурмовых ботинок на нем оказались обычные пляжные шлепанцы, неуместно яркие в кажущемся запустении базы. Но самым броским в его внешности была безупречно гладкая лысина.

– «Старик», – шепотом произнес Пас.

– Не дрейфь! – я тихонько толкнул его локтем. – По крайней мере, он тоже лысый.

– Вот за это нам и достанется! – хмуро предрек мой товарищ. – Может, это у них основные так помечаются.

Я с трудом сдержал неуместный смешок, вспомнив салаг на плацу учебки.

Ворота с грохотом уползли в сторону, и амфибия въехала на базу, обдав «старика» клубами пара. Двигатель заглох, наступила удивительная тишина, ощутимая лишь в таких вот диких местах. Она не была абсолютной, но все-таки это была именно тишина, наполненная утихающим к вечеру звоном цикад, едва слышным шипением воздуха в уснувших амортизаторах и мерным щелканьем остывающего мотора.

Люк нашего отсека открылся. Жаб загрохотал ботинками, спускаясь из командирской кабины.

– Эй, охотники! – послышался его голос. – На службе не спать!

Я высунул голову из отсека. Стоящий у колеса Жаб показался мне не таким, каким я привык видеть его в учебке – там он выглядел хоть и страшным, но скучным, а здесь лучился весельем, силой и готовностью к самым неожиданным ситуациям. Передо мной был боец, а не преподаватель – рубашка выправлена, одна рука в кармане, другая вертит блестящий брелок на цепочке. Из-под рубашки торчат ножны глубинного кинжала.

Я вдохнул пряный воздух и спустился по лестнице на плотный войлок степной травы. За мной выбрался Пас. Возле колес пахло перегретой броней и горячей резиной.

– Смир-на! – негромко скомандовал Жаб, и мы с Пасом вытянулись по струнке, образовав шеренгу из двух человек. – Вольно.

«Старик» осмотрел нас, задержавшись взглядом на заправленных по уставу рубашках, и ленивым шагом скрылся в сторожке. Жаб коротко глянул на наручный хронометр.

– У вас есть час личного времени. С местными в конфликты не вступать. Если что, сразу ко мне. Я буду в штабе. Это вон там. – Он показал на большой холм, заросший травой, откуда торчали трубы вентиляции, выкрашенные в защитный цвет. – Доступно?

– Так точно! – ответил я.

Жаб развернулся и направился к штабу. Когда он шел по сухой траве, из-под его ног во все стороны прыгали кузнечики с ярко-красными крыльями.

– Пить охота, – сказал я.

Пас тоже облизнул губы, но никто из нас не пожелал заходить в сторожку, где сидит «старик», чтобы спросить у него про воду.

– Смотри, похоже, там колодец, – мой товарищ показал на металлическое корыто возле ограждения, рядом с которым виднелся решетчатый кожух водяного насоса.

– Точно! – Я обрадовался не столько возможности напиться, сколько тому, что не придется встречаться со «стариком».

По пути к колодцу меня здорово развеселило, как затравленно и робко озирается Пас. Зачем такого взяли в охотники – непонятно. Издали, со стороны моря, доносилось еле слышное стрекотание небольшого мотора. Я невольно прислушался и различил за холмом ближайшего подземного строения два мужских голоса. Один звучал возмущенно, владелец другого спокойно оправдывался, только я не мог разобрать слов. Во втором голосе хорошо различался клочущий присвист, свойственный Жабу.

«За что-то уже получил», – без всяких эмоций подумал я, нажимая кнопку насоса.

Мотор загудел, заглушив прочие звуки. Когда мы с Пасом утолили жажду и вдоволь набрызгались, я остановил насос и тут же услышал из-за холма отчетливое слово «щенки», произнесенное возмущенным голосом. Жаб продолжал оправдываться. Пас делал вид, что не слышит, но я понял, что разговор о нас. Вообще-то не очень приятно, когда о тебе отзываются подобным образом, но мной овладела не столько обида, сколько банальное любопытство.

«Не включай насос, – попросил я жестами Языка Охотников, которыми говорят в глубине. – Надо узнать, о чем они треплются».

«Не вздумай! – показал Пас и схватил меня за рукав. – Поймают!»

Я отдернул руку и изобразил жест, которого не найти в таблице пальцевых знаков. Это была одна из новаций, передававшихся в учебке из поколения в поколение – знак-иероглиф, обозначающий понятие «Иди на...».

На вид до холма было метров тридцать, но мне пришлось двигаться осторожно, стараясь не шуршать травой, так что на преодоление этого расстояния понадобилось больше минуты. Достигнув подножия насыпи, я сел на корточки и прислушался, хотя можно было особенно не напрягаться – теперь слова звучали отчетливо.

– ...И меня, и базу! – доносился незнакомый голос. – И сам спалишься, как салага! Ты окончательно двинулся на своей Поганке!

– Но я еще ни разу тебя не подставил! – голос Жаб kloкотал сильнее обычного. – И долгов за мной больше нет.

– Ну, спасибо!

– Зря ты так трясешься, – несмотря на осязаемое волнение, Жаб не позволял себе даже немного повысить голос. – Ни один эксперт не дознается, откуда концы.

– А твои щенки? Они точно заметят ящики.

– Они так напуганы перспективами дальнейшей службы, что думают пока только о собственных задницах.

– Ладно, – примирительным тоном сказал незнакомец. – Может, ты и прав. Только будь осторожнее и не упираться рогом, а то так и не доберешься до Индийского океана. О том, чтобы концы не нашли или нашли их в другом месте, я сам позабочусь. Ладно...

Я понял, что подоспел к самому концу разговора, и поспешил ретироваться к колодцу, чтобы меня не застали врасплох.

– Сейчас я подгоню своих на погрузку, – донеслось до меня окончание фразы, – а эти... Дальше я разобрать не смог.

«Что там?» – жестами спросил Пас.

«Похоже, Жаб замешан в каких-то темных делах, – показал я на пальцах. – Да еще и нас собрался в них втянуть».

Затем я догадался включить насос и под прикрытием его шума вслух пересказал товарищу подслушанную часть разговора.

– А что они будут грузить, ты понял? – спросил он мне в ухо.

– Нет.

– Жаль. Не хотелось бы с самого начала влипнуть в сомнительную историю.

Мы выключили насос и вернулись к амфибии. Солнце только что село, отчего горизонт полыхал, как заросли тростника после массированного обстрела. Я уже собрался подняться по лесенке в отсек, но услышал, как из сторожки выходит посыльный. Пас схватил меня за рукав и потянул в тень между колесами.

«Не хочется с ним встречаться», – показал он на Языке Охотников.

«Думаешь, лучше прятаться, как пескарь в норе?»

«Давай подождем, пока он зайдет обратно».

По здравому размышлению я не стал возражать. От волнения мне дико захотелось есть, тем более что обед мы пропустили, а завтрак под насмешки не полез в глотку. Между тем посыльный достал из кармана черный мешочек, расшитый зелеными пятипальцами листьями, вынул из него небольшой прямоугольник бумаги и высыпал на него щепотку зеленого порошка. Затем убрал мешочек и ловким движением ладоней скрутил бумагу в рулон. В его руке я заметил обычный батарейный элемент от торпеды, но, несмотря на сгустившуюся тьму, можно было разглядеть приделанную сбоку кнопку, от которой к контактам элемента тянулась тонкая проволока. Больше всего это походило на самодельный походный примус сверхмалых размеров, но даже наперсток воды вскипятить на нем было бы затруднительно. Охотник щелкнул кноп-

кой. Тонкая проволочка между контактом и кнопкой моментально разогрелась до малинового свечения, посыльный сунул бумажный цилиндр в рот и поднес к кончику раскаленную нить. Бумага тут же начала тлеть, а зеленый порошок образовал нечто вроде рыхлого уголька. Охотник зажмурился и втянул в себя дым, затем задержал дыхание. В свете лампы над крыльцом я видел две сизые струйки, сочащиеся из его ноздрей. Это выглядело так неестественно, что я испугался.

Секунды через три посыльный резко выдохнул, выгнав дым из легких. Взгляд его выражал удовольствие.

«Курит, – показал Пас. – Скорее всего коноплю».

Я испугался. Еще в школе нам говорили, что вирус, породивший Десятилетнюю эпидемию, в первую очередь убивал курящих. Именно поэтому арабы, индусы и остальные народы, массово курившие табак или другие наркотики, вымерли почти полностью. Для многих людей слова «курение» и «смерть» стали синонимами.

«Как он не боится? Вдруг вирус еще где-то остался?»

«Вряд ли. Уже сто лет никто не болел».

Но я не мог справиться со своими эмоциями.

«Если мы отползем к холму, он нас не заметит», – родилось у меня предложение.

«Давай», – Пас обрадовался возможности оказаться подальше от «старика».

Не думая об испачканной форме, мы на карачках заползли за холм и только после этого перешли со знаков на шепот.

– Что будем делать? – спросил я.

– Надо найти Жаба. Иначе нарвемся на кого-то из «стариков» и нам вломят как следует. Штаб в двух холмах отсюда. К тому же жрать сильно хочется, а у взводного должен быть положенный нам сухой паек.

Я не был против. Мы поднялись и почти обогнули первый холм, но резкий окрик из-за спины заставил нас обоих подпрыгнуть на месте:

– Стоять!

У меня чуть сердце не выскочило. Я резко обернулся и разглядел перед собой широкоплечего охотника с погонами без скобок. Взгляд у него был, как у глубоководной рыбы – глаза мутные, выпученные и налитые кровью. Между пальцами он сжимал такую же, как у посыльного, тлеющую самокрутку. У нас с Пасом тоже не было скобок, но выправленная по-стариковски рубашка незнакомца сразу определила нам место на иерархической лестнице.

– Деньги есть? – тихо, но грозно прорычал охотник.

– Есть, – выдохнул я, ощущая, как потоки адреналина разгоняются по моим жилам.

В ушах зашумело от частого пульса.

– Сколько? – уже более мирно спросил охотник.

– А сколько надо?

– Все.

Такой подход меня несколько озадачил, но препираться я не стал и вынул из кармана несколько мятых купюр, оставшихся после вчерашнего посещения курсантского буфета.

– А ты? – обратился охотник к Пасу, забрав у меня деньги.

– Ничего не осталось, – ответил Пас.

– Ладно. – Незнакомец спрятал мои деньги в карман и скрылся за склоном холма.

– Ты что, вчера все деньги потратил? – спросил я у Паса.

– Нет.

– А почему не дал?

– Разве я ему должен?

Вот так номер! Хлюпик Пас сумел утаить свои запасы, а я даже не подумал об этом.

– Жалко, что ли? – мне пришлось махнуть рукой.

Пас не ответил. В наступившей тишине, пронизанной трелями сверчков, было слышно, как завелся мотор нашей амфибии.

– Пошла на погрузку, – предположил я. – Ну и влипли же мы с тобой!

– Надо дойти до штаба, – сказал Пас.

Голод и нарастающий страх не оставили во мне сил на возражения. Мы обогнули холм и наткнулись на одинокое каменное здание с темными окнами. Над запертой дверью висела табличка с надписью «Аппаратный класс». На крыльце пахло протухшим «рассолом» и белковым эластидом. Судя по наметенной у порога пыли, дверь не открывали недели две – там даже травинки выросли. Правее двери висел выгоревший на солнце пластмассовый щит с надписью «Доска почета». На нем красовались три пожухлые фотографии – охотники в торпедном классе, охотники в аппаратном классе и охотники возле борта гравилета.

– Нечасто они здесь тренируются, – презрительно скривился я.

– С трудом представляю идиота, который стал бы по доброй воле тренироваться с жидкостным аппаратом, – фыркнул Пас.

– А на фига тогда быть охотником, если не ходить в глубину?

– Ты серьезно? Лично я предпочту мыть тарелки на камбузе, чем ощущать приросший к телу глубинный катетер.

– Странный ты. – Я взглянул на товарища и пожал плечами.

Он пропустил мое замечание мимо ушей.

За следующим холмом мы нашли штаб, о чем свидетельствовала табличка над бронированной дверью, но воспользоваться кнопкой вызова никто из нас не решился. Зато мне на глаза попался световой указатель с надписью «Камбуз», и я услышал, как у Паса заурчало в животе.

– Может, командир там? – с надеждой спросил Пас.

– Там и «старики» могут оказаться. А Жаб скорее всего на погрузке.

– Камбуз уже закрыт, – задумчиво произнес Пас. – А хлеботорез скорее всего такой же салага, как и мы. Ну кто из «стариков» согласится торчать на камбузе? Мы могли бы выпросить у него что-нибудь пожевать.

Такой довод показался мне резонным.

Рипли

Камбуз оказался приземистым баракком с соответствующей надписью над дверью. Фонарь освещал только крыльцо. Пас ткнул в кнопку звонка, и почти сразу изнутри послышался низкий женский голос, помянувший барракуду. Потом донеслось гораздо отчетливей:

– Кого еще принесло, якорь вам в задницу? Со дна морского достанут, чтоб их десять раз в ил закопало!

– Женщина, – повернувшись ко мне, горячо шепнул Пас.

Мне хотелось сказать ему, что он идиот, но я только постучал костяшками пальцев себе по макушке. В этот момент пискнул замок, и дверь с мягким шипением уползла в сторону.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, крепкая и стройная, словно по два часа в день проводила на спортивной площадке. На ней была синяя майка вместо рубашки и брюки, точно такие же, как у нас. Только большего размера – росту в незнакомке было полных метр девяносто. Ее грудь под майкой казалась отлитой из пластика, как мышцы капитана Максютинна на скульптуре, а смоляные волосы были острижены коротко, по-мужски. На ногах у нее были спортивные туфли.

– Чего вас тут носит? – спросила незнакомка хорошо поставленным голосом, оглядывая нас с головы до ног.

Я ощутил себя рядом с ней ребенком возле пирамиды Хеопса. Меня подавлял не только и не столько ее рост, сколько бьющая через край жизненная энергия. Я заметил, что Пас ошупывает взглядом ее фигуру.

– Мы здесь проездом, – произнес он.

– И что? – незнакомка удивленно подняла брови.

– Есть хочется, – нехотя признался Пас.

В глазах женщины мелькнул озорной огонек. Она задержала взгляд на наших заправленных рубашках и шагнула в сторону, жестом пропуская в коридор. Там было сумрачно, почти темно – из четырех зарешеченных светильников горел только один, выхватывая из полутьмы стены, покрытые коричневым композитом, и бетонный пол со следами мясных потеков. Где-то еле слышно бубнило радио, рассказывая о новом транспортном коридоре между Индией и Австралией. В стене зияли боковые проемы без дверей, они уводили в совершенно темные помещения.

– Меня зовут Рипли, – сообщила работница камбуза. – В смысле Рита, но здесь все зовут меня Рипли. За рост. Я уже привыкла, так что можете не стесняться.

Прозвище показалось мне знакомым, но где именно я его слышал – вспомнить не мог. Решил спросить у Паса, когда представится такая возможность. По штатному расписанию наша новая знакомая скорее всего была коком, но применить это слово к женщине казалось диким. Я решил называть ее про себя кухаркой.

– С Огурцом приехали? – спросила она.

– Да, – кивнул я, сообразив, что Огурцом она называет Жаба.

– Прямо из учебки?

– Да.

– Голод, как я понимаю, хронический? – В ее глазах не угасал озорной огонек. – Ладно. Только услуга за услугу. Я вам соображу пожрать, а вы мне порубите говяжьи хвосты на суп и почистите лагун лука.

Я сглотнул. Получилось шумно, так что даже Пас на меня покосился.

– Мы не против, – сказал я.

– Только чур я чищу лук, – перебил Пас.

Это у нас в учебке был такой неписанный закон – кто успел сказать первым, тот и выиграл желаемое. Я безразлично пожал плечами и уточнил:

– Как их рубить?

– Первый раз, что ли? – усмехнулась Рипли.

– Ну...

Рядом с ней я ощущал себя несколько ущербным, словно неумение рубить говяжьи хвосты являлось для мужчины чем-то зазорным.

– В этом нет ничего сложного, – заверила хозяйка камбуза. – Пойдем, – она поднялась с кушетки и направилась в коридор.

Пас остался сидеть на стуле, терпеливо ожидая дальнейших распоряжений.

Рипли добралась до одной из боковых комнат и шагнула в темный проем, шлепнув ладонью по выключателю. Внутри вспыхнул свет. Переступив порог, я увидел деревянный пень, из которого торчал мясницкий топор, а с потолка свисали распиленные трупы коров и свиней. Запах в помещении стоял тяжелый, на бетонном полу виднелись потеки крови.

Я подумал, что люди не становятся вегетарианцами из-за того, что редко видят, как разделывают туши животных.

– Вот лагун с хвостами. – Кухарка выдвинула на середину комнаты огромную алюминиевую кастрюлю литров на сорок. Та была доверху наполнена окровавленными отростками, больше всего похожими на длинные крысиные пальцы, только фаланг на них было значительно больше. У меня мурашки по спине побежали. Рипли достала один такой «палец» из кастрюли, легко выдернула топор из плахи и четырьмя ловкими движениями разрубила хвост на пять одинаковых частей. – Вот так. – Она снова вогнала топор в дерево. – Куски такой длины удобно ложатся в лагун для варки. Обрубки складывай в пустой лагун. Только пальцы не обруби.

Она широким шагом покинула помещение, а я остался, с опаской оглядывая инструмент, которым мне предстояло заработать себе еду. Кстати, сама проблема зарабатывания хлеба насущного встала передо мной впервые – с детских лет еду мне выдавали. Сначала мама, затем раздатчики в учебке. Да и теперь предстоящая задача казалась мне не работой, а забавным приключением – эпизодическим, а поэтому любопытным.

Широкое лезвие топора тускло блестело, истертое многократной заточкой и частой рубкой. Рукоять выглядела удобно. Я взялся за нее двумя руками, но с первого раза выдернуть топор из дерева не удалось, так что пришлось напрячься и потянуть, упершись ногой в пень. Орудие наконец подалось и высвободилось. Я ощутил его чрезмерный, как мне показалось, вес и попробовал рубануть.

Управляться с широким лезвием оказалось труднее, чем ожидалось, – оно постоянно норовило ударить не туда. Пару раз я действительно чуть не рубанул по собственным пальцам, но выработанная за время тренировок реакция не позволила мне покалечиться.

– Вот барракуда! – ругнулся я вслух.

Первый хвост оказался изрублен скорее на холодец, чем на суп – так получилось. Я бросил нашинкованный хрящ на дно пустой кастрюли и взялся за второй. Но на пять частей порубить хвост не вышло и в этот раз. Точнее, по числу их было именно пять, но что касается размера, то он подчинялся некой сложной нелинейной зависимости. Стало ясно, что мне мешает не столько даже топор, сколько предостережение Рипли об отрубленных пальцах.

Музыкальная программа по радио кончилась, и начались новости. В училище это было время перед самым отбоем. Вспомнилось, как только вчера мы сонно рассаживались в кают-компанию на двадцатиминутное прослушивание сводки происшедших в мире событий. Все-таки, как ни крути, вырваться из столь жесткого регламента – счастье.

Я вытер пот со лба и решил не придерживать хвост рукой, а наступить на него ногой. Рубануть по грубому штурмовому ботинку с вшитой титановой пластиной было не так страшно, как по пальцам. Уложив хвост на плаху, я придавил его ступней.

Размах, удар – хрясь! Результат меня удовлетворил. Я сделал еще три удара, после каждого рывком смещая подошву ботинка. Хвост оказался порублен почти идеально. Правда, после подобной обработки он выглядел несколько измочаленным – мощный протектор ботинка оказал на него воздействие, сравнимое с ударом отбивочного молотка. Но я решил, что это никак не отразится на качестве супа.

Довольный новым методом рубки, я взялся за работу с удвоенной энергией. По радио сообщили об успешной акции береговой охраны Бразилии по предотвращению незаконного сброса в океан радиоактивных отходов. Об охотниках, как обычно, ни слова, хотя без них такие операции попросту невозможны. Может, это и правильно. Не станешь же хвалить повара за то, что он каждый день варит суп. Вот об аварии на базе, случись такая, сообщат обязательно.

Когда я порубил почти все хвосты, в помещение заглянула Рипли.

– Барракуда! – прошипела она и выхватила топор у меня из рук.

Я испугался, не понимая, чем мог так ее разозлить. Казалось, она готова вогнать широкое лезвие прямо мне между глаз. Лицо кухарки выражало такое бешенство, что у меня проснулись защитные рефлексy – тело помимо воли приняло боевую стойку.

И тут же мне досталась мощная затрещина по уху. Черные точки завертелись перед глазами, и я едва не рухнул на пол.

– Хочешь еще? – зло прошипела Рипли, стиснув кулак на уровне моей груди.

В ее стойке не было ничего необычного – стандартная атакующая позиция с уроков рукопашного боя, но я сразу понял, что ни одного из ее ударов мне отразить не удастся. И дело было не в весовом преимуществе Рипли, а именно в ее жизненной силе, которая бросилась мне в глаза с первого взгляда.

– Нет, – я отшатнулся и потер уху. – Ты что?

– Это ты что?! – она коротко мотнула подбородком в сторону кастрюли с расплюснутыми обрубками. – С ума сошел – топтать еду говнодавами? Ты хоть раз был голодным, барракуда тебя задерж?

– Да постоянно... – вспомнил я учебку.

– Ты, наверное, даже не знаешь, что такое голодать неделю. Урод.

Рипли тяжело дышала, успокаиваясь после адреналинового шторма в крови. Опушенный топор подрагивал в ее руке. Мне стало стыдно. Я и впрямь ощутил себя уродом.

– Извини... – Мне с трудом удалось смириться с унижением.

– Да на кой мне твои извинения? Это же надо додуматься, мясо ногами топтать! Ты знаешь, как убивают коров, чтобы мы могли набивать ими свои желудки? Ты хоть раз видел живую корову, гладил ее по морде? Иисусу Христу до жертвы коровьего племени так же далеко, как этой комнате до дна Марианской впадины!

Висящие на крюках говяжьих туш покачивались страшными иллюстрациями ее слов.

– Я сама не вегетарианка, – закончила Рипли, – но надо хотя бы иметь уважение к тварям, которых мы жрем каждый день!

– Разве хвосты нельзя так сварить? – осторожно спросил я.

– Можно. Но я говорю не об этом, а об уважении.

Она вогнала топор в деревянный пенек.

«Сумасшедшая», – мелькнуло у меня в голове.

Из коридора донесся скрежет алюминия по бетону – видимо, Пас тащил кастрюлю с очищенным луком. Рипли выглянула за порог и сказала в полумрак:

– В угол поставь, не надрывайся. Здорово же тебя прихватило!

Я не понял, о чем она говорит, пока не вышел в коридор и не увидел Паса. Он шмыгал носом, тер глаза, а его веки и ноздри выглядели так, словно их натерли смесью красного перца с песком.

– Надо было нож водой сбрызнуть! – сочувственно вздохнула кухарка и, без труда подхватив наполненную кастрюлю, унесла ее в глубину темного помещения. – Иди сюда, промоешь лицо.

В комнате вспыхнул свет, и я увидел у стены большую чугунную ванну, до половины заполненную водой и очищенной картошкой. На полу, вокруг внушительной горы очистков, стояли шесть деревянных табуретов. Рипли открыла кран и поманила Паса.

– Давай, промывай. Только промывай, а не три руками.

Пас принялся умываться, все еще шмыгая носом. Было видно, что ему очень плохо. Пару раз в жизни мне тоже приходилось чистить лук, когда я помогал маме на кухне, и слезы из глаз текли, но мне бы и в голову не пришло, что можно довести себя до подобного состояния.

– Ну как? – спросила у него Рипли через пару минут.

– Нормально, – страдальческим голосом сообщил Пас.

– Вот и славно. Пошли, я вам там кое-что приготовила.

Мы выбрались в коридор следом за ней. По радио сообщили о новом транспортно-пассажирском коридоре из Австралии в Индию.

– Что у тебя с ухом? – подозрительно покосился на меня Пас, все еще шмыгая носом.

– Расчесал, – ляпнул я первое, что пришло в голову.

Идущая впереди кухарка никак не отреагировала на мою ложь, хотя явно все слышала. Мне даже представилась усмешечка на ее губах.

Из полутемного коридора мы свернули сначала в кухню, а затем в раздаточную, за которой находился небольшой, но очень уютный зал. Это ничем не напоминало камбуз учебки – здесь столы были квадратными, а не прямоугольными, каждый был накрыт скатертью, и возле каждого стояло по четыре стула, а не по восемь.

– Это что, «глубинка»? – шепотом спросил меня Пас.

– Кажется, да, – ответил я, хотя сам ни разу не видел камбуз для погружающегося состава.

Мне показалось странным, что на такой тихой, можно сказать, захолустной базе есть люди, уходящие в глубину. Словно в подтверждение моих сомнений вспомнился запах протухшего «рассола» возле аппаратного класса. Но если есть камбуз для глубинников, то должны быть и сами глубинники. А о глубинном пайке среди курсантов ходила масса легенд. Поговаривали, что в него входят не только шоколад, творог и сметана, но еще икра и красное вино.

– Вон за тот столик садитесь, – Рипли показала на места у окна, а сама направилась к раздаточному окошку.

Мы сели.

– Интересно, она охотник или наемный персонал? – еле слышно спросил я.

– Хрен ее знает, – Пас коротко пожал плечами.

Через минуту Рипли вернулась с подносом, на котором стоял наш ужин. Она принялась расставлять тарелки, а мы с Пасом рты раскрыли, разглядев заработанное изобилие. Там были остатки недоеденного за ужином салата из помидоров и огурцов, там были холодные закуски из красной рыбы, а на горячее оказалось настоящее картофельное пюре со шницелем. Я чуть слюной не подавился, глядя на неожиданную роскошь предложенного угощения.

– Это и есть глубинный паек? – сглотнув, спросил Пас.

– Остатки, – ответила Рипли. – Если хотите, могу принести творог с изюмом. Его здесь не очень охотно едят. Остается.

– Хотим! – хором ответили мы.

Кухарка усмехнулась и ушла за творогом.

– По-твоему, катетер в спине не стоит такого питания? – поддел я Паса.

Он не ответил, и мы налегли на еду. В первые же секунды мои скулы заболели от перегрузки слюнных желез. Мир вокруг сколлапсировал до ограниченного пространства стола, а сам я превратился в один сплошной, непрерывно функционирующий пищеварительный аппа-

рат. Моему эго было вежливо предложено отступить на второй план и не вмешиваться в физиологию поглощения пищи. Эго не возражало. Оно спокойно и тихо замерло, терпеливо ожидая сладостного состояния, которое непременно наступит вслед за полным и окончательным насыщением. Время также утратило свое значение, оно словно вообще перестало существовать – наличие четвертой координаты пространственно-временного континуума выражалось только в уменьшении количества еды в наших тарелках.

Я вывалился из вселенной со столь странными свойствами лишь после того, как услышал голос Жаб:

– Рипли, привет! Двое моих щенков случайно не у тебя?

– У меня, – ответила кухарка, и я окончательно материализовался в своем родном мире. – Не слышишь, как у них за ушами трещит?

Жаб вышел из раздаточной и строго глянул на нас с Пасом. Рипли не спускала глаз с командира, сохраняя на губах ироническую усмешку.

– Ну что, задница ракушками в учебке не обросла? – спросила она у взводного.

– Хрена с два там задница чем-нибудь обрастет, – фыркнул Жаб. – Начальство так каждый день трахает, что ракушки от вибрации сами собой осыпаются. А вот твоя задница явно сделалась шире.

– Питаюсь хорошо, – вздохнула кухарка, – а трахать некому. Вот тело жирком и подернулось.

– Впервые слышу о том, что у тебя могут быть сексуальные проблемы.

Они рассмеялись и дружески обнялись. Вообще они вели себя так, словно мы с Пасом все еще оставались в параллельной вселенной.

– Значит, тебя окончательно списали на сушу? – после паузы спросил Жаб.

– У вас, мужиков, свои расклады.

– Кто возглавлял комиссию?

– Рапан, – зло ответила Рипли.

– Хрен старый. Сама как?

– Со спортплощадки не вылезаю, чтобы не скурвиться окончательно. Еще полгода – и как охотнику мне хана.

– Я не об этом.

– А... Забей. Слух полностью восстановился. Ну, джазовым музыкантом я уже, конечно, не буду, но со спины ко мне не подкрадешься. Куда ты сейчас?

– В Атлантику.

– Обратно на острова? Там ты точно ракушками порастешь.

– Не успею, – в глазах взводного появился мстительный огонек.

– Интересно, – кухарка вздернула брови. – С чего бы такая уверенность?

– Есть у меня для нее веские причины. Если морские боги помогут, перебазируюсь в Индийский океан.

– Не можешь забыть Поганку «М-8»?

– А ты?

– Стараюсь.

– А вот я не стараюсь. Не хочу, барракуда бы ее забрала.

– Может, она уже сдохла давно.

Рипли пожала плечами и устроилась за ближайшим столиком. Жаб сел напротив.

– Эти сами по себе недохнут, – хмуро ответил он. – Их надо только уничтожить.

– Пока Поганка молчит, и хрен бы с ней.

– Вот поэтому баба и должна родить хотя бы одного ребенка, – кивнул Жаб. – Иначе понятие ответственности перед человечеством ей не объяснить.

Рипли нахмурилась и откинулась на спинку стула.

– Ишь, как загнул. Самому-то тебе на человечество насрать. У тебя крышу сорвало, вот и все. Думаешь, я не видела, как ты ночами ползал по карте Индийского океана? Поганка – это твоя идея фикс, ничего больше. Так что давай лучше сменим тему.

– Сама начала, – хмуро ответил Жаб. – Ты знаешь координаты нового Индо-Австралийского коридора?

– На кой они мне?

– А я вот поинтересовался. Дуга проходит через пересечение двадцать седьмой с девяностым.

Рипли промолчала. Я постеснялся взглянуть ей в лицо, но воцарившееся молчание было тягостным.

– У тебя еще осталось пожрать или мои все слупили? – чуть насмешливо спросил Жаб.

– Творог с изюмом будешь? – Интонации в голосе кухарки показались мне напряженными.

– Давай. Это все равно лучше консервов из сухого пайка.

Рипли скрылась в раздаточной, а через минуту вынесла две большие тарелки с творогом. Одну она придвинула нам с Пасом, другую поставила перед Жабом. Тот наклонился, понюхал, взял ложку и принялся есть.

Мы с Пасом тоже решили забить оставшееся в желудках место.

– О чем это они говорили? – тихонько спросил у меня Пас.

– А я почему знаю? Может, они когда-то работали вместе. Хотя баба в глубинном составе – это нелепица какая-то.

– А с чего ты взял, что Жаб из глубинников?

Этот вопрос поставил меня в тупик.

– Не знаю. Но он себя ведет, как боевой офицер. И голос. Я слышал, что у некоторых от «рассола» размягчаются связки.

Жаб с Рипли продолжали беседовать, но их слова тонули в перезвоне наших ложек. Лишь одну фразу Жаба мне удалось различить:

– Значит, не собираешься перебраться поближе к Индии?

Я прислушался.

– Плевать я хотела на Индию, – ответила Рипли. – Но я бы кому угодно отдалась за возможность снова ощутить над собой километр водяной толщи.

– Я не беру с женщин подобную плату, – фыркнул Жаб.

– Да куда уж тебе.

– Но я могу пристроить твою задницу в глубинный скафандр за другую услугу.

– Думаешь, удивил? – насмешливо спросила кухарка.

– Мне плевать на твое удивление. Но я специально проторчал два года в учебке, чтобы получить привилегии в наборе новой команды.

– Значит, ты приехал специально за мной? Лестно. Только я с тобой уже наработалась.

– Если откажешься, на всю жизнь останешься коком, состаришься и сдохнешь в одиночестве, – в голосе Жаба появились знакомые мне змеиные нотки.

Рипли молчала довольно долго.

– Значит, ты хочешь меня к себе? – уточнила она. – В команду сумасшедших придурков, охотящихся за призраком в глубине океана?

– А ты хочешь снова натянуть скафандр на начинающую жиреть задницу, – кивнул Жаб. – Мы можем друг другу помочь.

– Ты же не бог! – Я заметил, что в ее словах не прозвучало особой уверенности. – Решение врачебной комиссии отменить не просто.

– Я не бог, – спокойно кивнул Жаб. – Но зато у меня есть яйца. В общем, мы с Рапаном разберемся как самец с самцом. Он уже не в первый раз хватается меня за хвост, а я этого не

люблю. Короче, если ты соглашаешься, то через несколько дней Рапану придется доказывать свою медицинскую компетентность в столице, а комиссию по твоему переосвидетельствованию возглавит Макамота. В Италии, например.

– Барракуда, – шепнула Рипли. – Ты действительно можешь это устроить?

– А на кой хрен мне в команде баба без права надевать глубинный скафандр? Надеюсь, твой катетер еще не отсох?

Пас доел творог, и мы разлили какао из чайника.

– Я согласна, – твердо сказала Рипли.

– Тогда завтра к десяти утра в штаб. Там поставишь подпись о своем согласии на моем рапорте и можешь загружать чемодан в «Ксению».

– Барракуда... – Рипли покрутила пустой стакан на столе, и я краем глаза заметил, как дрожат ее пальцы. – Барракуда тебя дери, Огурец! Почему у тебя всегда получается, как ты хочешь?

– Боги помогают психам, – хмыкнул Жаб. – Ладно, спасибо за угощение. – Он встал из-за стола и обратился к нам: – Эй, охотники! Хватит набивать утробы. Дуйте на «Ксению», она стоит сразу за штабом. Рекомендую ночевать в десантном отсеке, а не в кубрике со «стариками». Вы мне завтра нужны в боеспособном состоянии. Все.

Он развернулся и скрылся за дверью раздаточной. Рипли осталась сидеть, медленно поворачивая стакан в пальцах. Было слышно, как вокруг лампы гудят комары.

– Вы тоже в команде? – не глядя на нас, спросила она.

– Понятия не имею, – честно ответил я. – Жаб, в смысле Огурец, ничего об этом не говорил.

– У него мозги набекрень, – спокойно сообщила кухарка. – Все его затеи так или иначе заканчиваются бедой. И в то же время он всегда добивался намеченного. Кроме одного раза. Псих ненормальный.

«Кто бы говорил, – подумал я. – У самой с головой проблемы».

Пас потянул меня за рукав.

– Пойдем, – сказал он. – Жаб терпеть не может, когда игнорируют его приказание.

Мы покинули столовую. Над базой нависло антрацитовое небо, усыпанное крошечным звезд. Хор сверчков не умолкал, от земли начало потягивать сыростью. От бездонности и близости космического пространства у меня по спине пробежал холодок. Казалось, что в это небо можно упасть, если не приковать себя цепью к земле.

Пас шлепнул себя по щеке. Духота уже улеглась, позволив комарам выйти на извечную войну с человеческим родом.

Мы нашли амфибию в капонире за штабом и вскарабкались в отсек. Фонарь оказался погашен, так что нам пришлось устраиваться на ощупь. Через несколько минут мы благополучно разобрали рюкзаки, достали скатанные бушлаты и расстелили их на скамьях вдоль бортов. Таким образом получились две довольно жесткие койки, разделенные расстоянием чуть больше чем в пару шагов. Люк оставался открыт, в его квадратном проеме виднелись звезды, медленно плывущие, словно в фокусе телескопа.

Плотно набитый живот создавал некоторое неудобство, поэтому надежды на быстрый сон не было. Я лег на спину и устремил взгляд в бездну космического пространства. Можно было представить, что люк – это вовсе не люк, а иллюминатор космического корабля, а трели сверчков за бортом – свист каких-нибудь гравитационных преобразователей. Я ощутил себя астронавтом, межзвездным скитальцем, лежащим в коконе противоперегрузочной системы.

Рядом ворочался Пас.

– Как ты думаешь, – спросил я, – есть среди звезд какие-нибудь разумные чудики?

– Тебе мало истории с приводом Шерстюка? – фыркнул в темноте приятель.

– Это фигня. Никто ведь не доказал инопланетную природу его озарения. Мало ли что Шерстюк наплел о своем изобретении! Таких «контактеров», черпающих информацию из Вселенной, и сейчас полно.

– Но привод работает, – не согласился Пас.

– Да хрен с ним, с приводом! Если бы Тесла написал в газете, что его электромагнитный привод надиктован прямо из космоса, ты бы тоже поверил? Я говорю не о каком-то абстрактном вселенском разуме, а о конкретных зеленых человечках.

– Обязательно зеленых?

– Да ну тебя! – я обиделся. – С тобой хрен помечтаешь.

Пас затих. Я уже собрался перевернуться на другой бок, но приятель окликнул меня:

– А ты не хочешь узнать, что Жаб погрузил на амфибию?

Меня словно оса ужалила – я вскочил на скамейке и уставился в темноту, слушая, как брезентовые петли покачиваются над головой.

– Барракуда! Конечно, хочу! Кажется, в «Ксюхах» нет грузового отсека, так что ящики могут быть только здесь. В корме есть люк для погрузки, скорее всего они там.

Я на ощупь пробрался в заднюю часть отсека, и вскоре мои пальцы уткнулись в гладкий пластик, пахнущий застарелой складской пылью.

– Есть! Какой-то ящик. И не один.

Почти сразу я нащупал еще два таких же, но попытка поднять хотя бы одну крышку окончилась неудачей.

– Заперты! – шепнул я.

– Вряд ли Жаб мог оставить их открытыми, – заметил Пас.

– Хватит умничать! Ползи сюда.

Вскоре он задышал мне в затылок.

– Как ты думаешь, что в них? – спросил я.

– Почему мне знать?

По бокам к ящикам были приделаны металлические ручки для удобства погрузки. Я попробовал потянуть за одну из них, но груз оказался настолько тяжелым, что мне с трудом удалось его сдвинуть с места.

– Камнями набиты, – от усилия у меня свело живот.

– Вряд ли, – Пас явно не понял моего юмора. – Скорее металлом.

– Может, золото? – уже всерьез предположил я.

– Смеешься?

Мы попробовали простучать ящики, но из этого тоже ничего не вышло – при ударе они издавали равномерный глухой звук, словно до отказа были набиты самым обычным песком.

– Жаль, что свет выключен, – вздохнул Пас.

– Да.

Так ничего и не выяснив, мы вернулись на свои скамьи. От ощущения сытости меня начало клонить в сон, веки отяжелели и постель показалась удобнее, чем поначалу. Прошло минут десять, я почти уснул, но из дремоты меня вывел голос товарища:

– Похоже, Рипли поедет с нами.

– Ну и что? – неохотно ответил я. – Какая разница, с кем уходить за горизонт?

– Мы уже за горизонтом.

– В смысле? – я удивился и чуть привстал, опираясь на локоть. – Мы ведь не прибыли на свою базу.

– Ну и что? Учебка осталась за горизонтом.

Эта мысль показалась мне странноватой, но, раз уж беседа возобновилась, я решил выяснить у Паса то, что хотел:

– Слушай, а что у кухарки за прозвище? Что-то знакомое, но я все мозги наизнанку вывернул, пытаюсь припомнить.

– Фильм был такой. Старый, еще двумерный. Там отряд десантников высаживается на планете, с которой утеряна связь. А консультантом у них была баба почти под два метра ростом. Капитан Рипли.

– Точно! – этой подсказки мне хватило. – Там еще были твари зубастые, кислотой плевались.

– Нет, у них вместо крови была кислота, – поправил меня Пас.

– Да. Я давно смотрел. Здешняя Рипли на артистку из того фильма даже лицом похожа.

– Есть такое. Она тебе понравилась?

– Ты что, совсем чокнулся? – я постучал себя пальцем по лбу. – Она же старая!

– По-моему, ей лет тридцать пять.

– Этого мало?

– Зато тело какое! Я и у молодых не видел таких упругих.

– У тебя легкая форма геронтофилии.

– Чего?

– Это изврат такой, когда старух трахают.

– Она не старуха, – возразил Пас.

– Ладно, давай лучше спать, – предложил я.

Пас притих. Честно говоря, первый день за чертой горизонта я представлял себе чуть иначе. Более героически, что ли. Хотелось стоять на палубе корабля и смотреть в пенные волны, а мы весь вечер прятались от «стариков». Ладно, по проселку в Атлантику не добраться, так что скоро будет и море, и волны. Надо лишь набраться терпения.

Вспомнив о «стариках», я подумал о водителе. Рано или поздно нам с ним придется столкнуться, и это меня тревожило. Я перевернулся на бок, прислонившись лбом к остывающему металлу – смотреть на звезды уже надоело. Сквозь проем люка лились убаюкивающие трели сверчков, от брони пахло машинным маслом. Через какое-то время мочевого пузыря напомнил о себе смутным беспокойством, и я решил справить малую нужду, чтобы не бегать потом среди ночи. Пас посапывал в темноте.

Я осторожно соскользнул со скамьи и шагнул в люк, стараясь не греметь подошвами ботинок по лестнице. Ночная сырость сгустилась росой, заставила воздух впитать всю горечь степной травы. Где-то вдалеке жутковато кричала ласка. Было зябко. Я соскочил в пыль и решил не отходить далеко.

Сделав свое дело, я собрался возвратиться в амфибию, но мое внимание привлекли странные звуки. Ощущение создавалось такое, будто за ближайшим холмом кто-то ищет в траве упавшие деньги – оттуда доносилось невнятное бормотание, шорох, а иногда отчетливые ругательства. Если бы голос показался мне незнакомым, я бы тихонько вернулся в амфибию, поскольку встречаться среди ночи с обкуренным «стариком» у меня не было никакого желания. Но в голосе слышался характерный булькающий присвист.

Я замер, разрываясь между желанием ни во что не вмешиваться и отчаянным любопытством. В конце концов у меня не осталось сил сопротивляться, и я, наклонившись, чтобы не маячить на фоне неба, двинулся на звук. Шуршание доносилось с открытого пространства между двумя соседними холмами, это было совсем рядом, метрах в тридцати от меня. Пришлось применять правила маскировки – присесть в траву и двигаться на корточках, коротким приставным шагом. Это давало возможность приминать траву у самых корней, не издавая практически ни единого звука. Таким образом я обогнул холм и замер, разглядев впереди смутную тень нашего взводного.

Жаб ходил кругами и громко выговаривал непонятные цифры.

– От тысячи двухсот до девятисот, – доносился его сипловатый голос. – Стоп. Восемь-сорок. От девятисот до семисот. Стоп. Девять-тридцать. Нет, барракуда его дер!

Жаб прекратил нарезать круги, уселся и поднял из травы странный предмет. Сначала я решил, что это эластичный коврик от спинки воздушного аппарата, но уже через секунду понял свою ошибку. Это была толстая тетрадь, не обычная, электронная, а с белыми страницами из бумаги. Жаб принялся ее перелистывать, то и дело нашептывая ругательства разной степени сложности.

– Перестраховщик хренов, – сказал он неизвестно в чей адрес. – Пескарь. Девять-тридцать! Может, еще на ручках тебя покачать?

Он жирно замазал стилем строчку в тетради.

– Девять-десять. Все. Точка. Девять-десять, барракуда тебя дер!

Жаб бросил тетрадь в траву, резко встал и снова принялся ходить кругами. На этот раз его слова не долетали до меня так отчетливо. Через какое-то время он успокоился, снова сел и взял в руки тетрадь. Только теперь он не читал ее, а принялся быстро писать сам. При этом он ерзал, грыз кончик стила, как первоклашка на уроке чистописания, а потом вдруг ни с того ни с сего выдрал лист, скомкал и бросил в траву.

– Чересчур! – фыркнул Жаб и снова принялся водить стилем по бумаге.

Но едва следующий лист покрылся вязью темных строчек, его постигла та же участь – белый комок полетел в мою сторону, упав буквально в двух шагах от лица.

Сердце у меня забилося так, что я перестал слышать трели сверчков. Дикое любопытство вновь овладело мной, но теперь мне недостаточно было смотреть на непонятные страдания Жаба, я хотел завладеть трофеем, содержащим, как мне казалось, некую страшную тайну. И до тайны этой было, в прямом смысле слова, рукой подать. Но тянуться к цели мне не позволял страх быть замеченным.

«Хоть бы ветерком его придвинуло чуть поближе!» – взмолился я.

Но это была пустая молитва. То ли боги не желали оказывать мне содействие, то ли ждали проявлений смелости от меня самого. И я решился – осторожно вжался в траву и схватил бумагу, обливаясь потом от страха. Обратный путь дался мне не легче – я пятился, боясь выставить зад слишком высоко, иначе Жаб меня точно увидел бы, несмотря на увлеченность своим занятием. Судороги боязни разоблачения оставили меня лишь за уступом холма. Я сел и перевел дух, все еще обливаясь холодным потом. Мне не терпелось взглянуть на бумагу, но инстинкт самосохранения настойчиво требовал немедленного отступления. В этот раз мне показалось разумным ему подчиниться. Зажав скомканный лист в кулаке, я пополз к амфибии сначала на четвереньках, потом на корточках, а потом рванул, словно с низкого старта на беговой дорожке. Лишь прислонившись спиной к броне «Ксении», я ощутил себя в относительной безопасности.

Здесь уже никакой инстинкт не мог удержать меня от изучения трофея. Я бережно развернул листок и поднес его ближе к лицу, чтобы хоть что-нибудь различить в темноте. Бумага была испещрена группами цифр, все они располагались в три столбика, причем между собой столбцы почти не различались – при беглом осмотре я обнаружил лишь пару изменений в непонятной Жабовой арифметике. Больше всего записи напоминали какую-то бухгалтерию, в которой мне самому точно было не разобраться. Короче говоря, в этих писульках я понял только одно – при движении сверху вниз большие числа уменьшались, а маленькие, наоборот, увеличивались. Никакой другой логики я не заметил. Можно было разбудить Паса, но вряд ли он обрадовался бы ночному подъему. Я решил подождать до утра, сунул бумажку в карман и забрался в отсек.

Игра в ящики

Меня разбудило пение жаворонка и гудение насоса возле колодца. Я хотел было еще подремать, раз никто не орет над ухом «Подъем!» – но вскоре скамья подо мной начала казаться излишне твердой, а рука затекла в неудобной позе. Пришлось окончательно стряхнуть с себя остатки сна и распахнуть веки.

Сквозь открытый люк в отсек проникал золотистый свет утреннего солнца, яркие пылинки трепетали в воздухе, создавая в замкнутом пространстве ощущение объема и перспективы. Паса в амфибии не было, видимо, это он умывался возле колодца.

У погрузочного люка я сразу заметил три пластиковых ящика с ручками по бокам. Они притаились в тени, словно прятались от солнечного света, они занимали всю заднюю часть отсека и накрепко приковывали к себе внимание. Они были темно-зеленого цвета и ничем не отличались от стандартных контейнеров для боевой техники, а судя по идентификационным номерам на крышках, в них покоились сверхглубинные осветительные ракеты. Но я знал, что это вранье.

Насос возле колодца умолк, и вскоре в проеме люка показалась голова Паса. Лицо его было свежим и сияющим, на бритой макушке сверкали капли воды.

– Привет! – Он забрался в отсек, снял с шеи полотенце и сунул его в рюкзак вместе с мыльницей, тюбиком пасты и зубной щеткой. – Чего ты такой угрюмый?

– Где Жаб? – вместо ответа спросил я.

– Откуда я знаю? Он мне не докладывает. А что такое?

Я мотнул головой в сторону ящиков.

– Так это же «СГОРЫ», ты что, номер не видишь? – удивился Пас.

– Никакие это не «СГОРЫ».

– Это еще почему? – брови Паса взметнулись вверх от удивления.

– По кочану. Тебя хоть раз припахивали к погрузке на складе вооружений?

– Нет.

– А я там всякой всячины натащился до срыва пуза. Ящик со «светлячками» «СГОР-3» вдвоем поднять проще простого, а ты пойдешь, попробуй, сдвинь этот с места.

Пас сел и облокотился спиной о броню.

– Это точно? – с легким недоверием спросил он.

– Я тебе говорю.

– Странно. – Пас потер лысину. – Жаб не похож на простачка, которого ты мог бы с такой легкостью раскусить. Хотя уловка могла быть рассчитана не на нас. К примеру, если надо что-то важное протаскать через Босфор, фокус вполне может сработать, поскольку таможенники в глубинной технике разбираются хуже, чем я в доилках, а открывать ящики они не будут. Сверят номера, и все.

Это я понимал не хуже его. Если таможенники что-то и знали о глубинной технике, так это то, что ящики с ней открываются только на соответствующей глубине. Эдакая защита от несанкционированного использования – простая и очень надежная.

– Но если содержимое подменили, значит, глубинные замки уже вскрыты! – внезапно осенило меня.

– Хочешь попробовать заглянуть внутрь? – судя по голосу Паса, идея ему не понравилась.

– Пока не очень, – честно признался я. – Если попадемся, Жаб разорвет нам задницы, как акула надувной плотик. Зато у меня есть кое-какая подсказка. Вещественная улика. Может, с ее помощью мы определим содержимое ящиков без вскрытия.

– Что за улика? – Пас с любопытством наклонился ко мне.

– А вот что! – Довольный произведенным эффектом, я достал из кармана свернутый листочек и помахал им у товарища перед носом. Бумага попала в солнечный луч и засияла белоснежным пятном.

– Где взял? – Пас выхватил лист у меня из рук.

– Тебе вкратце рассказать или с подробностями?

Пас пожелал с подробностями, так что рассказ занял у меня пару минут.

– Офигеть, – шепнул Пас, когда я закончил.

Мы сели на скамью и принялись разглядывать записи. Вскоре стало ясно, что разобраться в трех колонках цифр, неведомо чем связанных, совсем непросто.

– Может, это карточные долги? – осторожно предположил я.

– Что-то я не знаю игры, где записи ведутся в такой манере. В любом случае, кроме цифр, должны быть имена игроков.

– Пожалуй, – мне оставалось только почесать лысую макушку. Других соображений не было.

– Похоже на какой-то счет. Я их видел достаточно, у меня мать бухгалтер, – сообщил Пас неожиданный факт своей биографии. – Вот смотри. Большие цифры – это скорее всего код товара, а маленькие – цены на каждое наименование.

У меня не было причин ему не доверять, но все же кое-что в этой трактовке меня не удовлетворило.

– Ладно, – сказал я. – Допустим, коды товара специально расположены в убывающем порядке, но почему цены устойчиво возрастают от верха к низу?

Пас задумчиво повертел бумагу в руке. Мы переглянулись, оба понимая, что зашли в тупик. Похоже, мой трофей оказался не годным для раскрытия тайны зеленых ящиков. Я попробовал представить, как бы почувствовал себя Буратино, если бы его золотой ключик не подошел к двери за холстом. Но сдаваться мне не хотелось.

– Погоди-ка, – покачал я головой. – Мне кажется, я знаю, чем занимается Жаб.

Пас пристально посмотрел на меня, не в силах скрыть любопытства.

– Наркотики, – зловеще прошептал я.

У колодца кто-то включил насос, и мы вздрогнули от неожиданности.

– С чего ты взял? – недоверчиво сощурился мой товарищ.

– На этой базе охотники курят. Ты сам видел. И именно здесь Жаб затеял погрузку. Почему не в другом месте? Или ты допускаешь подобное совпадение?

– Неужели трава может быть такой тяжелой? Сомнительно, даже если она прессованная.

– Ты забыл про собак, – мне не терпелось похвастаться своей смекалкой. – Если везешь из Европы наркотики, надо избавиться от их запаха. Иначе собаки на таможне подадут знак, они специально натасканы. Скорее всего Жаб упаковал наркотик в глубинные боксы, какими доставляют грузы на донные базы.

– Барракуда! – покачал головой Пас. – Я мог бы и сам догадаться!

– Похоже, мы влипли. Если это дерьмо всплывет на таможне, одним Жабом дело не ограничится. Нам тоже завернут ласты, как соучастникам.

Возможно, я слишком сгустил краски. Зная трусоватость Паса, можно было обрисовать ситуацию помягче, а лучше вообще придержать язык. Но сказанного не вернуть – мой товарищ стремительно побледнел и плотнее сжал губы.

– Не дрейфь, – запоздало спохватился я.

– Все нормально, – с ледяным спокойствием ответил Пас. – Но нам надо думать, как из этого выпутываться.

– А чего тут думать? – пожал я плечами. – От нас ничего не зависит.

– Это всегда ложное ощущение, – в голосе Паса прозвучала нравоучительная нотка. – Человеческой воле подвластно гораздо больше, чем многие считают.

Таким заходом он меня здорово озадачил.

– Ну и? – пристально глянул я на него.

– Пока не знаю, – признался приятель. – Ты пойдешь умываться?

– Вода небось ледяная, – скривился я. – А что?

– Мы скоро поедем, наверное.

Мне пришлось привстать, чтобы увидеть солнце через открытый люк. Действительно, оказалось около десяти часов, именно к этому времени Жаб приказал Рипли явиться в штаб. У меня сердце забилося чаще – стало ясно, что вот-вот нам предстоит снова тронуться в путь, и на этот раз уже прямо в Атлантику. Такое ощущение бывает в поезде, когда тебя провожают родственники и уже сказаны все напутствия, а вагон никак не может тронуться с места. Сердце стучит и бьется: «Скорее, скорее!» – потому что ты уже там, в пути, а родственники все еще маячат за пыльным окном. Так было, когда пацаны, Леська и мама провожали меня в учебку. Я впервые должен был ехать куда-то с чужими, совершенно не знакомыми мне людьми, меня распирало от открывающихся возможностей и от ожидающих впереди приключений, а мама с друзьями все стояла и стояла на перроне, словно якорь, не дающий поезду тронуться. Я готов был отдать частицу собственной жизни, чтобы машинист поскорее привел состав в движение. Когда же под ногами наконец дрогнуло и перрон, медленно ускоряясь, пополз назад, я ощутил себя самым счастливым человеком на свете.

– И что я такого смешного сказал? – удивился Пас, видимо, разглядев улыбку у меня на губах.

– Ничего. Просто в океан хочется дико. И жрать.

– Жрать мне тоже охота, – признался приятель.

Я достал из рюкзака полотенце, мыло и зубную щетку, выбрался из амфибии и направился к колодцу. Там гудел насос, а под струей, бившей из крана, угрюмо умывался тот самый «старик», которому я вчера отдал деньги. Заметив меня, он вытерся полотенцем и закинул его на шею. Стойка у него была впечатляющая – руки в боки, ноги расставлены, глаза навывкате.

– Ты чего тут ходишь? – без предисловий спросил он.

– Умыться хочу.

– Офигел совсем? Пескарь мокроносый!

На этот раз я решил не сдаваться. Просто из принципа. Видно было, что охотник имел надо мной все преимущества – и в массе, и в опыте, и в напористости, но стыд за вчерашнюю слабость так распалил меня, что я готов был оказаться избитым, попасть в санчасть, а не в океан, только бы потом не прокручивать в памяти позорную сцену безропотной сдачи денег. Мне хотелось отомстить за вчерашнее.

– На себя посмотри, гимантолоф, – пренебрежительно фыркнул я и сжал в кулаке футляр с зубной щеткой.

– Кто-кто? – опешил «старик».

Такого слова он, похоже, не знал, видно, не силен был в биологии глубоководных существ.

– Гимантолоф, – спокойно повторил я, выпучил глаза и похлопал ресницами.

После такого оставалось только драться. Сердце в моей груди застучало быстрее, разгоня насыщенная адреналином кровь, волосы на руках вздыбились, а кожа похолодела и покрылась мурашками. В таком состоянии я мог сразиться с не очень большим кашалотом, правда, выиграл бы схватку все равно кашалот. С охотником исход драки был не таким предсказуемым, хотя, если честно, у меня было мало шансов выдержать напор «старика». Но я не хотел проиграть морально. Никогда больше. Ни при каких обстоятельствах.

– Эй, Заяц! – раздался у меня за спиной незнакомый насмешливый голос. – Опять деньги с салаг трясеешь?

У меня на глазах противник словно сдулся, поник и даже сделался ниже ростом. И глаза его показались мне не такими уж выпученными.

– А ну отвали от него, debil! – повторил тот же голос.

Я не понял, кому предназначалась последняя фраза, мне или Зайцу. Продолжая сжимать в кулаке футляр со щеткой, я шагнул влево, чтобы в случае чего защитить спину кожухом колодезного насоса. Мне хотелось понять новую расстановку сил, но я опасался оглянуться даже на миг, чтобы не потерять Зайца из виду. Страх накатил на меня с новой силой, накрыл с головой.

– Не дрейфь, салага, – снова донеслось до меня. – Это же Заяц, дурачок местный. У него только вид грозный, а на самом деле его и воробей с ног собьет.

Я скосил глаза и разглядел троих незнакомых охотников, двое из которых были люди как люди, а третий поразил меня азиатской внешностью. Представителей этой расы на Земле осталось не более нескольких тысяч. Азиат подошел к моему обидчику и отвесил ему размашистую затрещину. Заяц захныкал и шмыгнул носом.

– А ну, пшел, давай, давай! – прикрикнул на него узкоглазый. – Зачем салагу пугаешь?

Он развернул Зайца и подтолкнул в спину, а когда тот сделал шаг, пнул его под зад, оставив на штанах пыльный след от протектора. Заяц заверещал и зигзагами скрылся за ближайшим холмом. Охотники проводили его дружным хохотом.

– Перепугался? – спросил меня узкоглазый. – Зайца не надо бояться.

Я опустил взгляд и заметил у него на поясе тяжелый глубинный кинжал в черных пластмассовых ножнах. Остальные подступили почти вплотную ко мне. Один долговязый и тощий, а у другого, широкоплечего, да к тому же лысого, на щеке виднелся большой крабовидный шрам от ожога. У них не было ни полотенец, ни других принадлежностей для умывания, только тощий держал в руках коробку из картона. Я решил, что они просто проходили мимо, когда я собрался сразиться с дурачком врукопашную. Мне снова стало стыдно.

– Заяц – это наш кочегар, – пояснил тощий и поставил коробку на кожух насоса. – У него крышу перекосило после одной разборки. В суматохе по «дедовщине» получил баночкой по голове.

Остальные рассмеялись, видимо, вспомнив подробности.

– Он у нас теперь почетный «дед», – добавил лысый со шрамом. – Заслуженный.

– Вообще ты крут, салага, – одобрительно улыбнулся долговязый и похлопал меня по плечу. – А то приезжали сюда такие, что в штаны ссались, когда Заяц на них наезжал.

Я тоже улыбнулся, хотя чувствовал себя неловко, совершенно не представляя, чего можно ожидать от нечаянных избавителей. На мой взгляд, они вели себя вполне дружелюбно, но снижать бдительность мне не хотелось.

– Зовут тебя как? – поинтересовался узкоглазый.

– Рома, – несколько замямившись, ответил я.

Впервые в жизни собственное имя показалось мне каким-то мягким, не соответствующим серьезности выбранного пути. «Старики» удивленно переглянулись.

– А прозвище? – спросил широкоплечий со шрамом.

Этот вопрос поставил меня в тупик. В учебке у меня было прозвище, как и у всех, но оно мне не нравилось, поскольку было просто сокращением от фамилии. Да еще искаженным к тому же. Я надеялся, что оно навсегда останется за воротами училища, и вдруг такой вопрос. Но с ходу придумать себе новую кличку я не смог.

– Сова, – неохотно признался я.

– Почему? – удивился узкоглазый. – На сову не похож совсем. Видишь хорошо?

– Фамилия у меня Савельев.

– Похоже, быть Совой тебе не очень нравится? – сощурился долговязый. – Приедешь на базу, там назовут по-другому. Никто не носит прозвище, которым его наградили в училище. На

базе кликуху дают по заслугам, и она же становится позывным, когда приходит время уходить в океан.

Это была первая информация об особенностях жизни за чертой горизонта. В учебке нам говорили о несении службы, вдалбливали устав и тренировали до изнеможения. Мы знали, с какими тварями нам придется столкнуться, как поступать в критических обстоятельствах, как отвечать начальству и как выполнять приказания. Но нам не у кого было узнать самое важное – как мы будем жить за чертой горизонта. Как обращаться со «стариками», в какие отношения с ними можно вступать, а в какие опасно. На каких койках нам придется проводить ночи, какую еду нам предложат, будет ли у каждого отдельная тумбочка или придется делить одну на двоих. Не говоря уже о том, что никто из нас не имел ни малейшего понятия о распорядке, по которому живут боевые базы. Ну а уж о системе раздачи прозвищ нам тем более никто не рассказывал. И никто не говорил, что сами «старика» называют себя «дедами».

– Кушать хочешь? – участливо спросил узкоглазый.

Этот вопрос окончательно сбил меня с толку. Все рассказы о коварстве и зверствах «дедов» в действительности могли оказаться досужими байками, как большая часть из того, о чем в полутьме после отбоя говорили курсанты на Языке Охотников. Но пока я не был в этом уверен. Береженого боги морей берегут.

– Вообще-то не отказался бы, – ответил я.

Широкоплечий одобрительно кивнул и сказал долговязому:

– Давай, Куст, вываливай запасы. Надо поделиться с салагой, а то неизвестно, когда Огурец надумает устроить им кормежку. Заодно и сами перехватим.

– Давай, давай, – одобрительно закивал узкоглазый, – а то в животе совсем пусто.

Долговязый Куст достал из коробки консервы и хлеб. Узкоглазый принялся ловко открывать банки – податливая жесть скрежетала под натиском стали и волнисто корежилась по надрезу. Воздух наполнился запахом приправленного перцем паштета, шпротов и ветчины.

– Хорош, Чабан, – прервал узкоглазого Куст. – Порежь хлеб, а к банкам вернемся по мере необходимости.

Лысый заглянул в коробку и довольно сощурился.

– Доставай, доставай! – подбодрил Куст.

Лысый мигом достал небольшую канистру из полупрозрачного пластика. В ней было литра три темно-красной, почти черной жидкости. Такого же цвета был кисель из черники у моей бабушки. Но содержимое канистры казалось слишком жидким для киселя. Широкоплечий отвинтил крышку и потянул носом у самого горлышка.

– Барракуда тебя дери, Краб! – рявкнул на него Куст. – Еще соплей туда напусти! Лучше бы кружку достал.

Он забрал у лысого крышку и снова ее закрутил.

От всех этих манипуляций, от запаха и вида еды у меня в желудке началась авральная подготовка – там что-то забурлило, зажурчало, как в наполняемых водой балластных цистернах. Только тише, конечно.

Чабан принялся мазать паштет на хлеб. Первый бутерброд достался Кусту, второй Крабу, а третий он соорудил для себя, после чего перехватил нож за лезвие и протянул мне.

– Намазывай. Там еще много осталось.

Цилиндрическая рукоять тяжело легла в мою ладонь, и мне пришлось шагнуть ближе к насосному кожуху, чтобы скрыть охвативший меня восторг. Конечно, мне и раньше приходилось держать глубинный нож, но одно дело ощущать его тяжесть под присмотром инструкторов, а совсем другое – когда никого из командиров поблизости нет. Примерно то же самое я ощутил, когда дедушка впервые разрешил мне заправить свою старенькую «Дрофу» на водородной станции. А ведь к тому времени я наездил уже километров пятьсот под его присмотром, но самостоятельно ощущать мощь мотора оказалось совсем другим удовольствием. Не

ждать окрика за слишком резвое троганье с места, не слушать причитания о стучащих амортизаторах, не смотреть на спидометр и держать руль одной рукой.

Так и с этим ножом. К тому же он совершенно не походил на пособие для обучения – на гарде виднелись зазубрины, клинок был чуть выщерблен, словно им рубили каленую проволоку, а пластиковый оклад рукояти изобиловал сколами. Видимо, нож часто пытались метать, но не всегда попадали острием в цель. В учебке такое использование глубинного инструмента было немыслимым, здесь же, судя по всему, оказалось нормой.

Намазывая паштет на хлеб, я остро ощутил освобождение от оков постоянного надзора, под которым мы находились в училище. Вот она, свобода, барракуда дери! Шататься по территории базы с ножом на поясе!

Пока я создавал бутерброд, стараясь за один заход использовать как можно больше продуктов, у меня за спиной слышался скрип свинчиваемой крышки и характерное бульканье.

– Хорош копаться, салага! – окликнул меня Куст. – Давай-ка к снаряду.

Мне пришлось обернуться и взять протянутую Крабом кружку. Она была почти доверху наполнена жидкостью из канистры. До меня вдруг дошло, что это вино, хотя мысль о возможности расфасовки столь дорогого напитка в дешевую тару привела меня в замешательство. Оставалось лишь принять версию из ночных баек – ходили слухи о вине, входящем в глубинный паек.

Я вдохнул поистине божественный аромат и, сделав небольшой глоток, хотел передать кружку по кругу, но Куст лишь усмехнулся.

– Пей все. Здесь еще три литра. На всех хватит.

Не сказать, чтобы это вино было особенно вкусным. За год до моего отъезда в учебку Ритка стянула со свадьбы брата бутылку привезенного из Европы «Порто». Мы с Леськой, Лукичом и Милкой целый вечер смаковали вино наперстками, нюхали с видом знатоков и щелкали языками. Потом напились и хохотали, как сумасшедшие. Кажется, в тот вечер Милка Лукича и соблазнила, по крайней мере, они довольно долго пропадали в стороне от поляны, и Леська только посмеивалась по этому поводу.

Вино в кружке было довольно кислым и терпким, я с трудом выпил его до дна.

– Зачем морщишься? – покачал головой Чабан. – Люди старались, делали.

Краб хохотнул и шлепнул его по плечу, затем забрал у меня кружку, снова наполнил ее до краев и выпил в несколько гулких глотков. Я взял бутерброд, впился зубами в его слоистую конструкцию и с наслаждением начал жевать.

– По кайфу? – спросил Куст, забирая у меня нож.

Я кивнул.

Вино показалось мне слабым, бутерброд кончился быстрее, чем хотелось, и я не знал, можно ли намазать еще. Куст отдал нож Чабану, тот вытер его о хлебный мякиш и сунул в ножны.

– На, – Краб снова передал мне полную кружку. – Тебя в салаги еще не принимали?

– Как это? – удивился я.

Куст хмыкнул и покачал головой.

– Чему вас в учебке учат? – пожал он плечами.

– По жопе ремнем получал? – пояснил Чабан.

– Нет.

Мое сердце забилося чаще, тревожное ощущение возникло в груди.

«Зря я с ними связался, – мелькнуло у меня в голове. – Надо было послушаться Жаба и не вылезать из амфибии. Все из-за Паса, чистюли. На фиг я поперся к колодцу?»

– На базу приедешь, получишь сполна, – со вкусом сообщил Куст. – По полной программе.

Меня чуть отпустило – стало ясно, что прямо сейчас бить не будут. Чтобы окончательно успокоиться, я залпом выпил вино до дна. По горлу прокатилась волна кислого тепла, в голове начало проясняться, и внезапный приступ тревоги показался мне смехотворным. Место открытое, утро, домик посыльного неподалеку, да и до штаба рукой подать.

Чабан вынул нож и передал мне.

– Кушай еще, поправляйся, – с ухмылочкой сказал он.

Я принялся намазывать второй бутерброд.

– Слушай! – окликнул меня Краб. – Захвати и нам по бутерброду!

Мне пришлось сделать еще три бутерброда, причем постараться, чтобы они получились не хуже, чем у меня. Двигал мной не страх, а чувство приличия, не позволяющее объедать хозяев провизии. Охотники дождались принесенных мной бутербродов и благодарно кивнули, принимая еду. Честно говоря, мне польстило, что они обращаются со мной почти на равных.

– Вот барракуда! – нахмурился Куст. – Хоть бы кто-нибудь догадался вино прихватить! Сова, ты бы притащил «дедушкам» канистру, пока не уселся.

Потом мне еще несколько раз пришлось сбегать туда и обратно, перетаскивая банки, хлеб, коробку с едой. С каждым рейсом во мне усиливалось ощущение припаханности, но в столь доброжелательной атмосфере мой отказ выглядел бы идиотским поступком. Вот если бы они меня прямо погнали, мол, давай, салага, обслужи «стариков», тогда бы я их послал подальше, несмотря на их численное превосходство.

Когда все было готово, Краб похлопал ладонью по траве рядом с собой.

– Садись, салага, а то совсем замотался. – Он сунул мне в руку полную кружку вина.

Это было то, что нужно для тела, распаренного беготней, и для разума, загруженного бесполезными размышлениями. Эта кружка пошла лучше двух первых – вино уже не казалось мне таким кислым, как раньше.

– Забить «косяк»? – спросил у Куста Чабан.

– Под жранину – пустое дело, – отмахнулся тот.

Вино снова пошло по кругу.

– Салага! – Куст помахал ладонью перед моими глазами. – Не спать, замерзнешь!

Я механически взял кружку и выпил. Несколько капель потекли по подбородку за ворот рубашки. Где-то на границе сознания мелькнула мысль о том, что лучше больше не пить. Пришлось помотать головой и взять себя в руки. С неожиданной легкостью туман отступил, и голова осталась совершенно ясной. Я вновь ощутил дуновение ветра, мягкость травы и звуки окружающего пространства. Ими дирижировал жаворонок – все вокруг так или иначе подчинялось ритмике его песни.

Уже без стеснения я намазал еще один бутерброд. Чабан мурлыкал песню на незнакомом мне языке и пожевывал травинку, Краб вытягивал за хвостик шпроты из банки и лениво отправлял в рот.

– Зря ты не хочешь в салаги прописываться, – с набитым ртом обратился он ко мне. – По правилам каждый «дед» должен ударить тебя по заднице один раз. На базе все равно пропишут, но там «дедов» больше. Пару дней даже жрать стоя будешь.

– А если я вообще не хочу прописываться? – осторожно попробовал я вытянуть дополнительную информацию.

– Никто не заставит, – лениво ответил Чабан. – Но если не будешь салагой, то и «дедом» не станешь. Свои же потом заклюют.

Пас меня бы не заклевал, это точно, но я не был уверен насчет других одногодков, которые, подобно нам, могут оказаться на той же базе. Окажись там, к примеру, Влад, он бы соблюдал все законы, установленные «дедами», потому что наверняка захотел бы стать «стариком».

– А как на базе узнают, что меня здесь прописали?

Куст так рассмеялся, что пролил из кружки вино.

– Ну ты даешь, салага! – помотал он головой. – У тебя же язык есть. Скажешь, что тебя прописали Куст, Краб и Чабан.

– И мне что, поверят?

– А как по-твоему? Ведь охотники не служат всю жизнь на одной базе, они время от времени переезжают, так что не дрейфь, есть способы узнать обо всех накопленных тобой грехах и бонусах.

– Точно, – с улыбкой добавил Краб. – У нас тут был салага по прозвищу Говнодав. Мыться не любил, падла, как его ни учили. Когда он переехал на другую базу, думал избавиться от позорной кликухи, но у него не вышло.

– Да ладно, – недоверчиво протянул я. – Неужели охотники все обо всех знают?

– Охотников не так много, как ты думаешь, – сказал Куст. – Слухи ходят вместе с письмами и людьми с базы на базу, так что на этот счет можешь не грузиться.

– Ну что, будешь жопу подставлять, а? – приподнялся на локте Чабан.

– Действительно, Куст, – нахмурился Краб, – что-то мы долго с ним разговариваем. Вина налили, а он ломается, словно целка.

– Остыньте, – остановил их Куст. – У салаги задница не распечатана, а вы напираете, как приливная волна. Дайте человеку подумать. Может, у него с арифметикой туго.

От такого напора у меня душа ушла в пятки.

– У тебя с арифметикой туго, да? – подлил масла в огонь Чабан.

– Нет, – я шумно сглотнул слюну.

– Ну так снимай штаны, да? Есть разница, три раза получить или пятнадцать?

Разница, конечно, была, но мне бы хотелось вообще избежать экзекуции. У меня даже мелькнула мысль вскочить и убежать, но бежать было некуда. Ну, от этих еще смыться можно, тут до амфибии рукой подать. А потом что?

Я уже готов был дать согласие, но смелости все же не хватало. Прошло минуты три, Краб достал из коробки батон хлеба, забрал у меня нож и открыл еще четыре банки паштета. Мне уже ничего не хотелось, после невеселых раздумий аппетит поубавился. Куст молчал, Чабан задумчиво ковырял в зубах травинкой. Краб сделал три бутерброда и протянул один мне.

– Спасибо, – помотал я головой.

– Слушай, Куст! – возмутился Краб. – Ты когда-нибудь видел такого борзого салагу? Прописываться он не хочет, продуктами брезгует! Мне что, выкидывать открытый паштет?

– Но я не просил его открывать! – теперь мне сделалось по-настоящему страшно.

– Ладно, салага, – Куст ласково похлопал меня по плечу. – Ты действительно, борзей, да знай меру. Кушай паштет, для тебя ведь открывали. Вина выпей, легче пойдет.

Я понял, что надо тянуть время. Придет Жаб и разгонит их, как щенков. Уж в его превосходстве я нисколько не сомневался.

– Открою-ка я еще пару баночек, – почесал в затылке Краб.

«Открывай, открывай, – мстительно подумал я. – Сам же и будешь давиться своим паштетом».

У меня словно открылся второй желудок – бутерброд пошел значительно легче. Видимо, тренированный организм перешел в боевой режим. Правильно – это был настоящий бой, но не столько физический, сколько моральный.

– Вот барракуда! – вскрикнул Краб, отбросил не до конца открытую банку и присосался губами к пальцу на правой руке.

– Что такое? – недовольно глянул в его сторону Куст. – Банку открыть не можешь, чтоб не порезаться?

– Да иди ты! Сам вчера Пню ящик на ногу уронил!

– Тоже мне, сравнил бак с баллоном! Одно дело ножиком жечь всковырнуть, а другое – вшестером затянуть три ящика с гадостью в погрузочный люк.

– Плохому пловцу все время глубины не хватает, – съязвил Краб.

Я напрягся, прислушиваясь, – очень хорошо, что кружка с оставшимися глотками вина закрывала мое лицо. Слово «гадость» в подобном контексте ни о чем мне не говорило, но ясно было, что речь идет о содержимом ящиков, лежащих в отсеке «Ксении». Какая-никакая, а это была зацепка.

«А ведь я победил! – мелькнуло у меня в голове. – «Деды» ничего не добьются, а я уже получил то, что надо».

Чабан уставился на меня цепким взглядом. На миг мне представилось, что это не взгляд, а два скрещенных глубинных ножа ударили меня в лоб.

– Почему такой веселый? – подозрительно спросил он.

– Радуюсь, что появилась возможность покушать всласть, – сказал я.

– Умный, да? Вы на него посмотрите!

– Ну и что такого смешного случилось? – покосился на меня Куст.

– Вот урод! – неожиданно вспыхнул Краб. – Он что, надо мной прикалывается?

– И не думал! – поспешил я ответить, чувствуя, как душа уходит в пятки.

Честно говоря, такого поворота событий я ожидал меньше всего. Никогда не думал, что легкая улыбка может вызвать такую бурю негодования. Краб наклонился ко мне и ухватил за ворот рубашки. От неожиданности я выронил бутерброд.

– Он еще продуктами швыряется! – заорал Краб.

– Отпусти его, Краб! – очень спокойно попросил Куст.

Я удивился хватке Краба – вроде обычные пальцы, а держали подобно стальным тискам.

– Отпусти, говорю! – с нажимом повторил Куст.

Хватка ослабла, и я отшатнулся назад, еле удержав равновесие.

«Напился, – подумал я. – Хотя с четырех полных кружек не мудрено».

– Он сейчас бутерброд поднимет и съест, – широко улыбаясь, прошепел Куст.

Понятно было, что это приказ, но я не спешил его выполнять. Мало того, мной овладела идея постоять за себя. В общем-то, это было чистым безумием – пробовать драться одному против трех охотников, но в той позиции, в которой я находился, теоретически можно было вообще избежать драки.

А дело было в том, что совсем рядом, рукоятью ко мне, лежал нож. Вот только духу у меня не хватало схватить предложенную случаем рукоять. Больше всего я боялся, что, взяв кинжал, я вынужден буду пустить его в ход. Мне хотелось просто попугать «стариков» – не станут же они лезть на стальное лезвие!

– Ты ведь скушаешь свой кусочек, правда? – ласково ворковал Куст. – Не станешь огорчать «дедушек»?

Я потянулся к хлебу, лежащему в пыльной траве. Нож лежал от него всего сантиметрах в двадцати, не больше, и мне предстояло решить, к чему протянуть руку. Секунда растянулась, и я представил, как Куст замахивается на меня кулаком, затем вспомнил, как Колян Соболев бил меня в школе кедами по лицу. Иногда мне хотелось Коляна убить, один раз я даже всерьез вознамерился это сделать, когда он вскарабкался на подоконник и пускал бумажные самолетики из окна пятого этажа. Хорошо, что его отца повысили в должности и перевели в центр губернии – если бы Колян остался в нашей школе еще на год, я бы привел свой приговор в исполнение.

Нет, снова получать по лицу я не хотел. Для меня это был настоящий момент истины, вспышка озарения.

«Никогда больше! – мысленно шепнул я, хватая нож. – Никто и никогда больше не ударит меня по лицу!»

– Ты что, очумел? – Краб отшатнулся от меня и удивленно поднял брови.

Лезвие в моих руках не дрогнуло, отражая ослепительный солнечный свет. Смуглый Чабан побледнел – по его лицу это было видно особенно явственно. Лишь Куст остался недвижим, хотя к сверкающему лезвию был ближе всего.

– Решил еще баночку паштета открыть? – криво усмехнулся он и посмотрел мне в глаза.

Это было похоже на удар штурмовым ботинком – такая воля читалась у него в глазах. Это был взгляд человека, который уже повидал смерть других, причем некоторых она явно настигла от его рук. Еще в этом взгляде сквозило полное равнодушие к собственной смерти, даже, казалось, ее ожидание. Он словно распыл меня и препарировал – как лягушку. Нож задрожал у меня в руках, шербоатое лезвие затрепетало на солнце, отбрасывая на лица сеть причудливых бликов.

– Дай сюда! – Куст железной хваткой стиснул мое запястье и выдернул нож из онемевших пальцев. – И где только делают таких придурков?

Я ждал удара, но удара все не было. Одной рукой Куст продолжал держать меня, а другой лениво отбросил нож к ногам Чабана. Тот взял его и засунул в ножны. Жаворонок продолжал кувыркаться в океане небес, казалось, его развеселило увиденное на земле.

Мне показалось, что удара не будет, что меня, салагу, простили по неопытности. Я облегченно выдохнул и тут же получил страшный пинок в ребра – думал, умру сразу, но каким-то чудом выжил, правда, на ногах устоять не смог. Такой боли мне чувствовать еще не приходилось – внутри меня словно взорвался черный шипастый шар, поразив осколками все внутренности одновременно. Дышать не было никакой возможности, тьма застилала глаза, лишь иногда в ней расцветали огромные алые пятна. Видимо, на какой-то миг я потерял сознание и полностью утратил всякую ориентацию, как во времени, так и в пространстве. Очнувшись, задыхаясь в траве, словно выброшенная из океана рыба, попытался отползти куда-нибудь наугад, но снова получил по ребрам носком ботинка. Этот удар, по сравнению с первым, показался мне ударом беспомощного ребенка.

– Отойти от него, Чабан! – словно сквозь вату различил я голос Куста. – Сейчас он блевать начнет, забрызгаешься.

– Правда, пойдем, – нетерпеливо позвал Краб. – А то, не дай бог, придет Огурец, всем нам яйца повыдергивает.

Я расслышал шорох закрываемой коробки, плеск остатков вина в канистре и шелест удаляющихся шагов.

– А он нас не заложит? – уже издали донесся голос Краба.

Куст что-то ему ответил, но я не расслышал. У меня в желудке начал расти тошнотворный ком, ищущий немедленного выхода наружу. Судороги боли еще продолжали метаться по нервам, мне не удалось сдержать рвотных позывов, и я упустил в траву все вино и все съеденные бутерброды. Было больно, было обидно, но главное даже не в этом, а в том, что я потерпел полное и окончательное поражение. Не столько даже физическое, сколько моральное – мне убедительно доказали, что я никто и звать меня никак. Одним словом – салага. Снова получилось кедами по лицу.

С огромным трудом мне удалось подняться на ноги и отойти на несколько шагов от отвратительной лужи. Зрение постепенно приходило в норму, но боль не отпускала, просто перешла из острой стадии в ноющую. Я был уверен, что так чувствуют себя люди, сбитые на дороге грузовиком. Это сравнение мне понравилось – оно подчеркивало тщетность любого сопротивления старшим по выслуге лет. Да, драться с Кутом было равносильно попытке остановить грузовик крестьянскими вилами. Что же говорить о попытке справиться с двумя-тремя «стариками»?

Мне уже не хотелось в Атлантику. И на океан я плевать хотел, и на ветер, смешанный с солеными брызгами. Мне хотелось содрать с себя темно-синюю форму и бежать через степь,

шатаюсь, до самого монорельса, забраться в поезд на полустанке и никогда больше не слышать о море.

Жаворонок умолк, видно, устал. Из-за ближайшего холма до меня донеслись голоса Жаба и Рипли.

– А ты мало пострадала от сидячей работы, – хрипло булькал наш взводный.

– Иди ты! – насмешливо отвечала кухарка. – Такая задница отросла, что скоро в скафандр не влезу.

– Теперь влезешь. Я тебе такую аэробику обеспечу, что пощады попросишь.

Они вот-вот должны были появиться в моем поле зрения, поэтому я, как мог, отряхнул форму и выпрямился, несмотря на ноющую боль под ребрами. Я боялся, что Жаб узнает о происшедшем и мне придется объяснять всю цепь моих дурацких поступков, приведших к столь позорному поражению. К тому же среди курсантов ходили страшные слухи о разоблаченных стукачах, как им в «рассол» добавляли немного спирта или ослабляли пружинку в воздушном автомате дыхания. Сделанного уже все равно не вернуть, а подвергаться дополнительной опасности не хотелось.

Самым лучшим выходом для меня было залезть в амфибию раньше, чем начальство покажется из-за холма. Пришлось поднажать, и я зигзагами, словно раненая селетка, преодолел расстояние до брони. Пас высунулся из люка и подал мне руку. Несмотря на стыд, я был ему благодарен, поскольку не уверен, смог бы сам забраться по лесенке. По всему было видно, что он наблюдал за моим позором через открытую амбразуру – уж очень участливо подставил мне плечо, помогая устроиться на скамье. Мне дико, невыразимо захотелось скрыть свое очевидное поражение за чем-нибудь очень весомым.

– Мне удалось разведать про ящики, – прохрипел я голосом раненого охотника из фильма «Дно».

В голове у меня начинало шуметь. Возможно, это сказывались последствия удара, но скорее всего мозг был одурманен выпитым на жаре вином.

– Лучше помолчи, – покачал головой Пас. – Крепко же тебе досталось!

– Это все фигня по сравнению с глубиной океана. – Мне пришлось улыбнуться, той самой улыбкой, какой улыбаются на киноэкране чудом выжившие герои. – Зато я знаю, как называется содержимое ящиков.

Несмотря на явную озабоченность моим состоянием, Пас не смог сдержать любопытства.

– Как ты узнал? – с легким подозрением спросил он.

– «Старики» говорили об этом, пока пили вино.

На последнем слове я с трудом поборол новый приступ тошноты, но аура моего поражения начала угасать по мере того, как усиливалось любопытство Паса. Я вновь ощутил себя победителем, и мне стало намного легче.

– Ну так что там? – уже не в силах ждать дольше, спросил мой товарищ.

– «Старики» называли содержимое ящиков гадостью.

– И все? – удивился Пас.

Подобная реакция меня несколько остудила.

– Это хоть что-то, – неуверенно произнес я.

– Слишком мало. Гадостью они могли называть что угодно.

– Скорее всего наркотики.

– Это как раз вряд ли. Люди, употребляющие наркотики, любят их и не станут называть собачьими словами.

– Да ладно! – я с сомнением покачал головой. – Ведь называют же штурмовые ботинки говнодавами, а гарпунный карабин – елдометом.

– Ну... – Пас неуверенно пожал плечами. – Все же мне кажется, что там не наркотики.

– А что?

– Отходы. Либо химические, либо радиоактивные. Точно гадость.

Эти слова меня словно громом поразили. Мой взгляд невольно устремился в сторону погрузочного люка, где притаились загадочные вместилища «гадости». Легкий озноб тронул кожу, словно внезапный порыв холодного ветра.

Я не успел ответить – лесенка загремела под подошвами ботинок, вынудив меня прикусить язык. Через пару секунд в люке показалась голова Рипли.

– Привет, салажье! – поздоровалась она. – Что-то вид у вас не слишком веселый. Будто не за горизонт уходите, а на каторгу.

Сама она светилась весельем – едва заметные морщинки в уголках глаз напоминали лучики солнца. Шумно выдохнув, она просунула в люк свой рюкзак, затем влезла следом. Вместо вчерашней легкомысленной майки на ней была форменная темно-синяя рубашка и брюки, но и эта одежда скорее подчеркивала, чем скрывала женственность нашей новой попутчицы. Честно говоря, и у меня дух немного перехватило, а Пас и вовсе сидел, будто его придавило компрессией.

Через пару мгновений я понял, что Рипли подогнала форму по своей фигуре. Она чуть приталила выправленную по-»стариковски« рубашку и ушила брюки настолько, что они с некоторым даже бесстыдством подчеркивали ее половые отличия. Упругая грудь под рубашкой трепетала при каждом движении, а закатанные по локоть рукава открывали сильные, но удивительно грациозные руки. Длинные ноги были обуты в стандартные штурмовые ботинки, но и здесь имелось расхождение с уставными нормами – шнуровка имела необычный рисунок, совсем не похожий на тот «крестик», каким мы шнуровали свои говнодавы. Однако на ней эти «стариковские» штучки выглядели иначе, чем на других охотниках базы. На Рипли они смотрелись уместно, а тот же Краб или Чабан ходили в выправленных рубашках, как щенки в эполетах. Пожалуй, только Куст оставлял столь же серьезное впечатление. Я впервые поймал себя на понимании того, что «старик» «старик» рознь. Возможно, дело в опыте или в сроке службы, но Краб от бывшей кухарки отличался не меньше, чем я от него.

– Привет, «Ксюша», – не скрывая эмоций, шепнула Рипли, прижавшись щекой к броне. – Я и не мечтала больше влезть в твой внутренности.

Мы с Пасом переглянулись. С моей точки зрения, столь откровенное поведение охотника, пусть даже женщины, выглядело дико. Она прошла вдоль борта, ведя по броне пальцами, затем устроилась на противоположной скамье и блаженно прищурилась.

– Чего оторопели? – улыбнулась она. – Сумасшедшую бабу не видели?

Я не нашелся с ответом, а Пас стыдливо опустил взгляд. Воздух содрогнулся от звука запустившегося мотора, механизм люка взвыл, закрывая крышку. Рипли закрыла глаза и стиснула кулаки. Мне почти физически передалось ее желание поскорее тронуться с места. Для нее этот рывок должен был стать точкой отсчета новых событий, как для меня отход поезда два года назад. Рипли страстно хотела навсегда покинуть захолустную базу, уйти за горизонт, подальше от камбуза, кастрюль и коровьих хвостов. В этом была ее слабость, поскольку любая страсть и любая слабость всегда ходят рука об руку.

Амфибия натужно взревела, привстала на амортизаторах и рывком тронулась с места. Рипли устроилась рядом со мной и без стеснения прижалась ко мне плечом. Дрогнула – один раз, другой. Я понял, что она плачет.

– Вырвалась, вырвалась, вырвалась... – шептала Рипли, как заклинание.

Набегающий ветер срывал с ее глаз слезинки и бросал мне в лицо. Только через пару минут она успокоилась и вернулась к себе на скамью.

– Я с камбуза еды прихватила, – сообщила кухарка. – Наверняка Огурец и не подумал вас покормить.

Она развернула припасы и протянула нам два сандвича с жареным мясом. Третий взяла себе и с наслаждением откусила большой кусок. Такие куски откусывать неприлично, тем более

женщине. Но в случае с Рипли это не отталкивало, а создавало особый стиль, поскольку в каждом ее движении сквозило нечто не очень приличное. Она была неприлично огромной, неприлично сильной, неприлично развязной в манерах и жестах. В конце концов, она была до неприличия сексуальной.

Я опустил глаза, чтобы не пялиться на ее грудь. Желание ощупать взглядом ее фигуру было чрезвычайно сильным, но вместе с тем казалось мне граничащим с извращением, поскольку Рипли по возрасту была приблизительно ровесницей моей матери.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я сосредоточился на еде.

– Нравится? – поинтересовалась кухарка.

Мы с Пасом дружно кивнули.

На лежащие у погрузочного люка ящики Рипли не обращала ни малейшего внимания, видимо, сбита с толку номерами на крышках. А мне они все больше не давали покоя. Конечно, я мог бы в момент прохождения таможи просто сказать пару слов. Машину задержат и вызовут комиссию из ближайшего штаба. Жабу тогда конец. И Рипли конец, поскольку ее, ни о чем не подозревавшую, просто вернут на камбуз.

Мне вспомнилось, как она плакала, прижавшись щекой к амбразуре.

«Выбралась, выбралась, выбралась», – звучало у меня в голове.

Еще я попробовал представить, как она вернется на камбуз. Мне стало страшно. Обычно человеку приходится выбирать меньшее из двух зол, а тут я не мог выбрать, какое добро мне следует совершить – застучать Жаба или позволить Рипли уйти в глубину.

Никогда раньше от меня не зависела судьба других людей, теперь же от страха и неуверенности липкий пот выступил у меня на лбу. Видимо, Рипли заметила это.

– Укачало? – участливо спросила она.

Я кивнул. Не мог же я ей рассказать, почему меня так прихватило!

Рипли сочувственно улыбнулась.

– Расслабься, – посоветовала она. – И глотай слюну, будет легче. А вообще подожди-ка.

Рипли поднялась со скамьи и, несмотря на дикую качку, легко добралась до своего рюкзака. Порывшись там, она достала Т-образную стальную штуковину размером с ладонь и, легко ступая по скачущей броне пола, направилась к створкам заднего погрузочного люка. Перешагнув через ящики, Рипли сунула штуковину в отверстие для аварийного ключа и провернула ее. Механизм под броней звонко щелкнул. Рипли уселась на ящик, двумя ногами толкнула створки люка, и они легко распахнулись, заполнив отсек ревом мотора и горячим потоком свежего воздуха. Мне стало легче, хотя сердце продолжало немилосердно колотить в ребра.

Не выпуская брезентовую петлю из рук, я поднялся со скамьи.

– Ну же! – выкрикнула Рипли и протянула мне руку.

Перехватывая петли руками, я бросился к ящику и вцепился в него руками. Сидеть у распахнутого люка оказалось веселее, чем я ожидал. Удивительный коктейль из восторга от скорости и страха свалиться за борт опьянил меня до головокружения. Чувствовалось, что Рипли тоже испытывает нечто подобное.

– Только держись за ящик! – выкрикнула она. – А то Огурец мне голову скрутит, если свалишься.

– Не свалюсь!

Словно в ответ амфибия оторвалась от земли, совершив головокружительный прыжок, от которого все предметы в отсеке зависли в воздухе секунды на полторы.

– Ух! – невольно выдохнул я.

Рипли довольно сощурилась.

– К вам можно? – крикнул Пас со своего места.

– Конечно! – повернулась к нему она.

Мой приятель поднялся со скамьи и осторожно двинулся в нашу сторону, перехватывая висящие над головой брезентовые петли. Втроем мы долго сидели молча, поскольку не могли все время перекрикивать рев мотора. Степь позади неуловимо менялась – пыль посветлела, появились редкие деревья акации. Дорога круто свернула на юг, к морю, и я ахнул от открывшегося перед нашими взглядами пейзажа. Далеко на севере, укутанный маревом расстояния, высился город. Белоснежные нити и ленты зданий, удерживаемые приводом Шерстюка, росли из-за горизонта и тянулись к небу. Это было похоже на сказочный лес, сотканный из дымки и детских фантазий. Здания выглядели прозрачными, даже призрачными, казалось немыслимым, что этот дивный полумираж является творением рук человеческих.

Приглядевшись, я заметил, что на западе от нас город выползает из-за горизонта и тянется на юг, в сторону моря.

– Одесса? – догадался я.

Рипли кивнула. Амфибию снова тряхнуло, и я крепче ухватился за ящик.

– Ну и скорость! – то ли испуганно, то ли восхищенно сказал Пас.

Наконец решение насчет Рипли оформилось в моей голове. Ничего с океаном не станет от трех ящиков гадости, а вот вернуть глубинницу на камбуз – настоящее преступление. Так что будь я проклят, если сдам Жаба. Пусть сдохну в глубине от удушья, барракуда меня дери!

Я чуть не рассмеялся от овладевшей мной легкости. Правду говорят в таких случаях – будто камень свалился с души. Моя улыбка не ускользнула от Рипли.

– Полегчало? – спросила она.

– Еще как! – радостно выкрикнул я, стараясь перекричать рев мотора. – Мне уже давно не было так хорошо!

– Везет вам, салаги, – усмехнулась Рипли. – Все впервые. Завидую.

– Думаешь, есть чему? – я наклонился к ней, чтобы не орать во всю глотку.

– А то я себя не помню, – отмахнулась она и с усмешкой добавила: – Хотя иметь за спиной приличную выслугу тоже неплохо.

– Честно говоря, я бы с тобой поменялся.

– Ну и дурак, – фыркнула Рипли. – Все мое у тебя еще будет, а вот твоего у меня – уже нет.

Она перевела дух и добавила, с трудом перекрикивая шум:

– Правда, сейчас я себя тоже чувствую, будто заново родилась. Честно говоря, я была уверена, что проведу на камбузе оставшиеся до пенсии годы.

Вспомнилось, как она в шутку предлагала Жабу отдаться за возможность снова уйти в глубину. Может быть, и не в шутку. А ведь какой-нибудь подлец на моем месте мог бы запросто шантажировать Рипли своей осведомленностью о содержимом ящиков. Только вряд ли она пошла бы у него на поводу, тем более окажись он салагой, как я. Нашла бы способ стереть его в порошок и развеять по ветру.

– Зато теперь у тебя есть шанс не дожить до пенсии, – зачем-то ляпнул Пас.

Мне пришлось толкнуть его локтем, чтобы он еще чего-нибудь не сморозил.

– Даже у ассенизатора есть шанс утонуть в дерьме! – подмигнула Рипли. – Знаете главную поговорку всех охотников?

Пас покачал головой.

– Не бери тяжелого в руки, а дурного в голову! – рассмеялась она.

Первое правило подводной охоты

Амфибия начала сбавлять ход. Я поднялся с ящика и, хватаясь за брезентовые петли, добрался до амбразуры. За ней уже виднелось море – по-настоящему голубое, местами сверкающее, словно пойманная в сети рыбешка. И ветер пах морем.

– Море! – Мне хотелось сообщить об увиденном своим спутникам. – Совсем рядом!

Они пересели ко мне на скамью. «Ксения» все больше сбавляла ход, приближаясь к выезду на перегруженную бетонку – личные автомобили с лодками на крышах и на прицепах двигались к морю подобно муравьиной цепочке. Водитель включил оглушительную боевую сирену, чтобы нам позволили выехать на шоссе. Влившись в поток, амфибия была вынуждена двигаться с общей скоростью, мотор перестал реветь и теперь рокотал на умеренных оборотах. Странно, но, пока стоял рев, мы его перекрикивали, а теперь, когда появилась возможность спокойно поговорить, каждый погрузился в собственные мысли.

Водитель снова врубил сирену и начал обгонять почти замерший общий поток. Через распахнутый погрузочный люк мы ловили любопытные взгляды пассажиров, сидящих в отставших машинах. В конце концов Рипли встала и захлопнула створки.

– Что там случилось? – встревожился Пас.

Рипли прильнула к амбразуре, стараясь разглядеть происходящее впереди.

– Пробка, – сообщила она. – И патрульные машины. Лет десять такого не видела. Похоже, дорожники перекрыли движение.

Тут же на небольшой высоте с турбинным воем пролетел гравилет с ярко-оранжевым брюхом. Согласно реестру, такую окраску имели машины муниципальных служб. Метрах в ста впереди по ходу движения размахивали жезлами люди в светло-серой форме дорожного патруля, чуть ближе путь перекрывали две патрульные машины и несколько раскладных турникетных секций. Возле них сустились раздосадованные водители – мужчины и женщины в шортах, гавайках, майках, панاماх, а то и просто в плавках, размахивали руками, пытаясь добиться справедливости, а главное – проезда к морю. Патрульные оставались спокойными, словно сфинксы. Насколько я мог разглядеть, они вообще не реагировали на претензии отдыхающих.

Гравилет описал в небе широкую дугу и пошел на посадку, поднимая из степной травы клубы пыли. В отсек со щелчком динамика ворвался голос Жаба:

– Рипли!

– Да, – ответила бывшая кухарка.

– Тебя списали с каким уровнем допуска?

– С нулевым, – зло ответила Рипли. – Иначе я бы не сидела на камбузе.

– Не кипятись. С воздушкой ты ведь можешь нырять, а большего пока и не требуется.

– С воздушкой имеют право нырять даже клубные дайверы, – невесело вздохнула она.

– Мне не нужны клубные дайверы! – прошипел Жаб. – Мне нужна ты. Успокойся, после комиссии Макамоты восстановишь свой прежний допуск. А сейчас придется поработать в пирсовой зоне. Там сложилась внештатная ситуация, я связался с базой, но они не стали высылать своих. Решили не терять время, а припахать нас, раз уж мы здесь оказались.

Пас побледнел. Честно говоря, у меня от неожиданности тоже комок застрял в горле. Жаб отключился, и тут же снова взвыла сирена. «Ксения» сбавила ход до скорости пешехода, осторожно объезжая замершие на бетонке машины. Мы с Пасом переглянулись. На нем лица не было – похоже, он не ожидал, что служба начнется так скоро и сразу с внештатной ситуации. Я же был по-настоящему рад. Если уж предстоит париться на спокойной базе в Атлантике, то хоть по дороге надо совершить нечто стоящее. Похоже, судьба милостиво подкинула мне такую возможность.

Нулевой допуск Рипли позволял работать только с воздушными аппаратами на глубинах до шестидесяти метров, а наш с Пасом, первый, давал возможность уходить в глубину до ста метров с аппаратами, использующими газопо-кислородные смеси. Не бог весть какое преимущество, но мало ли что.

Патрульные раздвинули турникеты, пропуская амфибию. Миновав пост, водитель вновь набрал скорость, и мы понеслись по бетонке в сторону моря. Скоро оно должно было стать для нас не местом беззаботного отдыха, как для всего сухопутного населения, а объектом охоты. В общем, мои детские мечты никогда еще не были так близки к исполнению. Мечты Рипли также должны были скоро исполниться, и мы с ней, объединенные этим радостным обстоятельством, не отрывались от амбразуры. Ветер врывался снаружи тугим теплым потоком, нес с собой запах моря и подвигов, а Пас тихонько сидел рядом, думая о чем-то своем. Похоже, он сдрейфил, но я не мог его за это винить.

Примерно через полчаса мы подъехали к городской окраине. Об этом говорили длинные тени небоскребов, пересекавшие наш путь по шоссе с запада на восток. До моря оставалось около километра – оно резало глаза своим блеском.

– Рипли! – прошуршал динамик голосом Жаба.

– Да.

– Я связался с мэром и выяснил подробности. Там в порту мина. По оценкам сухопутных, довольно взрослая, набравшая вес.

– Какой класс?

– Ты хочешь, чтобы я у сухопутных это узнал? Она всплыла в полумиле от берега, почти на границе пирсовой зоны.

– Тогда у кромки прибоя тормозни.

– Добро.

Через несколько минут водитель остановил броневик и заглушил двигатель. Рипли настезь распахнула створки погрузочного люка, выпрыгнула наружу и потянулась, распрямляя плечи и спину. Мы с Пасом осторожно выбрались следом.

Машина стояла у самой воды. Еле заметные волны с шелестом набегали на берег, в небе вскрикивали чайки – морские охотники. Я присел на корточки и зачерпнул горсть песка. Теплые струйки посыпались между пальцев. Под подошвами штурмовых ботинок похрустывали ракушки. Одесса нависала над нами с запада, закрывая почти половину небесного свода, но солнце стояло еще высоко, поэтому полыхало выше самых высоких башен. Бетонные стрелы пирсов убегали от берега в туманную даль, вдаваясь в море примерно на полтора километра. Еще дальше на фоне неба проступали силуэты гражданских судов, вставших на внешнем рейде по плану эвакуации. Бриз был пронизан запахом соли и йода.

Жаб спустился по лесенке и мягко, как старый опытный кот, спрыгнул на берег. В руках он держал планшет, на экране которого виднелась цветная карта пирсовой зоны.

– Где мина? – Рипли прикрыла глаза ладонью от яркого солнца.

Взводный ткнул в карту.

– Муниципалы обнаружили ее здесь. Класс, конечно, определить не смогли, но прикидывают вес в двенадцать тонн.

– Отожралась. – Рипли хмуро устремила взгляд к горизонту.

– Но сухопутные могли ошибиться, – Жаб пожал плечами. – Скорее всего у страха глаза велики, а на самом деле это восьмитонная «Томочка». Здесь не так много планктона, чтобы набрать больший вес.

– Смотря за какое время и какой это класс. Но и «Томочки» хватит, чтобы сорвать с фундаментов всю прибрежную часть небоскребов. А дальше дома повалятся, как костяшки домино.

– Не обязательно. – Взводный с сомнением почесал пупырчатую макушку. – Все же мина – в километре от берега. Но рисковать не стоит. Поэтому с базы нам и дали команду все разведать как можно скорее.

– Ладно, – в глазах Рипли загорелся боевой огонек. – Разведаем.

– Салаги в твоём полном распоряжении, – добавил Жаб. – Официально назначаю тебя командиром отделения. В нём эти двое и мой водитель, но его напрягать не советую.

– Перебуюсь. Так, салаги, быстренько на броню!

Меня не пришлось упрашивать. Схватившись за скобы, я забрался на крышу амфибии быстрее, чем выполнял это упражнение на тренировках. Ещё бы! Это было мое первое боевое задание – всамделишное, не на учениях. Рипли вскарабкалась следом за мной, после нее на крышу поднялся Пас. Его лицо не выражало ни воодушевления, ни восторга. Пожалуй, ему действительно будет лучше на спокойной базе в Атлантике. Он выбрал место почище, сел на броню и брезгливо отряхнул брюки от приставших песчинок.

Рипли добралась до крыши командирской кабины и постучала в люк.

– Бинокль подай, – попросила она водителя, когда тот поднял крышку.

Видимо, эта просьба не оказала должного действия, потому что бывшей кухарке пришлось протиснуться в люк и самой вынуть из кабины огромный «УС-60» на штативе.

Здесь, почти на трехметровой высоте, ветер ощущался сильнее. Он свистел в скобах лестницы и запорах крышки командирского люка. Почти вся броня наверху состояла из закрытых крышками полостей. Наверное, как и в морских амфибиях, там хранились спасательные плавсредства, огнетушители, линеметы, шанцевый инструмент и другое необходимое снаряжение.

Запах моря наполнял мои легкие, сердце колотилось в предчувствии приключений, и я еле сдерживался, чтобы не зажмуриться от восторга. Рипли установила треногу бинокля на броне, присела на корточки и начала приводить устройство в рабочее положение. Зажужжал гироскоп, пискнули кнопки настройки. Мне тоже хотелось глянуть в окуляры, но теперь Рипли была моим командиром и мне не следовало обращаться к ней по пустякам. Особенно в боевой обстановке.

Хлопнула броневая дверь – это Жаб вернулся в свою кабину.

– Как там? – донесся его голос через отверстие открытого люка.

– Подожди, – отмахнулась Рипли. – Так, теперь нормально. Наблюдаю объект визуально. Картинка не очень. Вижу только верхнюю панцирную крышку, остальное ниже поверхности. А ну-ка, салага, как тебя...

– Рома, – поспешил ответить я.

– Как? – фыркнула бывшая кухарка.

– Сова, – пришлось поправиться.

– Зоркий, что ли?

– Нет, это сокращение от фамилии.

– Ну и мастаки же давать прозвища в учебке! Ладно, иди сюда. С каталогом Вершинского приходилось работать?

– Так точно!

– Тогда валяй. «УС-60» вам, конечно, вряд ли давали, но освоишься, он работает под той же операционкой, что и «БПН-24». Твоя задача – опознать мину по каталогу Вершинского. Действуй.

– Есть! – отрапортовал я, довольный возложенной на меня ответственностью.

Я присел возле бинокля, а Рипли у края люка.

– Дай мне донную карту пирсовой зоны, – попросила она Жаба. – И, если возможно, запроси данные со спутника.

Она взяла из рук взводного планшет, а я приник к окулярам бинокля. При этом пришлось опустить машинку чуть ниже, под свой рост.

Пользоваться столь мощной оптикой мне до этого не приходилось – на учениях нам давали заглянуть лишь в двадцатичетырехкратный бинокль «БПН-24». Огромная мина лениво покачивалась в центре картинки, пойманная в светящуюся координатную сеть. От нее исходило такое же ощущение, как от рисунка с платформой в кабинете Жаба. Лежит, тварь, на воде, греется в лучах солнца и ждет, когда кто-нибудь из людей попадет в поле зрения ее сканеров.

Несколько секунд мне пришлось потратить на освоение малознакомых органов управления, но операционка действительно была привычной, и вскоре я уже начал очерчивать мину светящейся линией по всему контуру. Работа не из простых, поскольку хорошо виднелась только хитиновая макушка смертоносной громады, а сама она пряталась от меня в воде. Лишь с помощью лазерного сканера и подсказок каталога Вершинского, который предлагал мне известные контуры мин, я минут за пять выполнил поставленную задачу. Еще минута ушла у компьютера на сопоставление полученного контура с позициями каталога.

– Это «Берта», – сообщил я, считав данные с экрана бинокля. – Заряд десять тонн, общая масса четырнадцать, искусственный интеллект фирмы «Майкрософт», шестнадцатый уровень. Живая. Активная.

В ожидании дальнейших приказов я глянул на Рипли.

– Ни фиги себе, – сказала она, отложив планшет.

Жаб высунулся из люка, как рак-отшельник из раковины.

– Умная тварь, – нахмурился он.

– Попотеет, – кивнула Рипли. – Но на кой дьявол потребовалось здесь сыпать икру океанского класса? Все равно что из елдомета камбалу колотить!

– Сволочи, – сквозь зубы процедил Жаб.

Я снова прильнул к окулярам и обомлел – мины в поле зрения теперь не было.

– Визуальный контакт с объектом потерян! – доложил я по форме, стараясь не выдать дрожь голоса.

– Тварь! – прошипел Жаб. – Почуяла неладное. Ты ее чем сканировал?

– Инфракрасным лазером, тем, что в бинокле, – доложил я.

– И зачем?

– Не рычи на него, – вступилась Рипли. – Мина из воды торчала одной макушкой, без сканера даже я не смогла бы определить ее класс. А соваться в воду, не зная броду, не в моих правилах.

– Ладно. Только бы она не взорвалась с перепугу.

– Это вряд ли. Слишком дорогое и мощное устройство, чтоб взрываться от любого сканирования. Она просто решила отсидеться вблизи дна и смотала якорный жгут. Жаль, что Куста с нами нет, он бы ее моментом вычислил.

Лично меня отсутствие Куста скорее радовало, чем огорчало.

– А сами не справимся? – поинтересовался взводный.

– Риск большой, – качнула головой Рипли.

– Есть причины для беспокойства?

– Не знаю. Предчувствие у меня нехорошее. Здесь сложная пирсовая зона, есть расщелина с глубиной больше шестидесяти метров. Думаю, мина там и прячется, иначе бы ее давно засекли, а я без допуска соваться туда не стану. Спишут ведь на фиг за нарушение инструкций. Или ты думаешь послать своих салаг? Пока не поздно, вызывай Куста с Крабом, лучших саперов на всем побережье не отыскать.

Жаб задумчиво потер затылок.

– Давай сами попробуем, а? – В его голосе мелькнули заискивающие нотки. – Может, она не в расщелине.

– Тебе что, славы на старости лет захотелось? – насмешливо спросила Рипли.

– При чем тут слава, барракуда тебя дерит? Я хочу застолбить за нашей командой репутацию самых крутых спецов. А ты Куста вспомнила.

– Они действительно круче.

– Ну и что? У нас с тобой договор, не забывай. Я тебе глубинный допуск, а ты мне свою помощь. Это честно.

– До чего же ты все-таки сумасшедший! Только не вздумай ее сканировать ультразвуком!

– Нашла кого учить! Просто послушаю в пассивном режиме. Там поглядим.

От любого сканирования такая взрослая мина действительно не взорвется. Но если попытаться ее обезвредить, тогда она рванет, подняв в небеса столб воды и распространяя вокруг себя ударную волну такой силы, что опорные балки пирсов завяжутся узлом. Ведь начинка у нее не тротиловая, а из собственного жира в смеси с азотной кислотой из специальных желез. Фактически нитроглицерин. Нам в учебке показывали фотографии с мест таких взрывов. Но то были восьмитонные «Томочки», а «Берта» на две тонны мощнее.

Наконец из люка показалась голова Жаба.

– Затаилась, барракуда ее дерит! – хмуро произнес он.

Рипли убрала глаза от бинокля.

– Не засек? – спокойно спросила она.

– Нет. Тихо так, словно в этих водах никаких мин не было со времен динозавров.

– Вызывай Куста. И чем скорее, тем лучше. Если мина рванет, тебе не удастся нацепить нам медали крутых спецов, а с его помощью мы будем упомянуты в числе участников мастерски проведенной операции. Ты ведь хотел моей помощи? Так вот, этот совет – моя помощь. Seriously. Я понимаю, что у тебя крепкие яйца, но отступление ради победы нужно применять куда чаще, чем вам, мужикам, кажется.

– Ладно, – взводный стиснул зубы. – Должна же и от вас, баб, быть какая-то польза.

Он сполз в люк, и через секунду в небо выдвинулся метровый штырь ультракоротковолновой антенны.

– База, я Огурец, прошу связи! – раздался приглушенный броней голос Жаба.

Рация что-то невнятно прошипела в ответ.

– У нас тут сложилась нестандартная ситуация. Мина сложная, «Берта» океанского класса. Живая. Обнаружив сканирование сканера, смотала жгут и ушла на дно. Пассивное сканирование результатов не дает.

Снова шипение рации.

– Да, – хриловато подтвердил Жаб. – Нужны Куст и Краб. Буду оставаться на связи.

Взводный выбрался из люка и сел на броню, устремив взгляд к линии горизонта. Тень от бинокля у его ног напоминала неумело нарисованного осьминога.

– На базе тоже предчувствовали нечто подобное и заранее подготовили гравилет, – напряженно сообщил он. – Куст с Крабом уже загрузили в него свои приборы. Будут максимум через полчаса.

– Да не расстраивайся ты так, – неожиданно для меня Рипли под села к Жабу и обняла его за плечи. – Мы ведь не спецы по якорным минам, мы донники. Что смогут сделать Куст или Краб на глубине километра? Только обгадиться от испуга и колотиться в судорогах от чрезмерной компрессии. А мы с тобой спецы океанского класса. Так какой смысл совать нос в каждую дыру? Надо дать поработать и подмастерьям.

– Все равно нам нужен хороший акустик, – вздохнул Жаб. – Не хочу я Куста в команду, будь он неладен!

– Нам нужен хороший океанский акустик, – уточнила Рипли. – Хоть ему и не придется надевать глубинный скафандр, но в океане все иначе, нежели в море. Обучишь кого-нибудь из салаг.

– На это нужно время.

– А чего ты хотел? Быстро только рыбы икру мечут. – Рипли убрала руку с плеча Жаба и снова подсела к биноклю. – Кажется, мина успокоилась. У нее ведь мозгов не больше, чем у акулы. Думает, если никто не сканирует, значит, отстали.

– Может, всплывет? – Жаб отвернулся от моря и посмотрел на нас.

– Это мало что изменит. Все равно она к себе не подпустит, пока ей не запудрить мозги. Что в глубине, что на поверхности. Это в океане мы привыкли подобные цели торпедировать, а здесь в двух шагах береговая черта. Здесь нужны саперы, а не снайперы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.